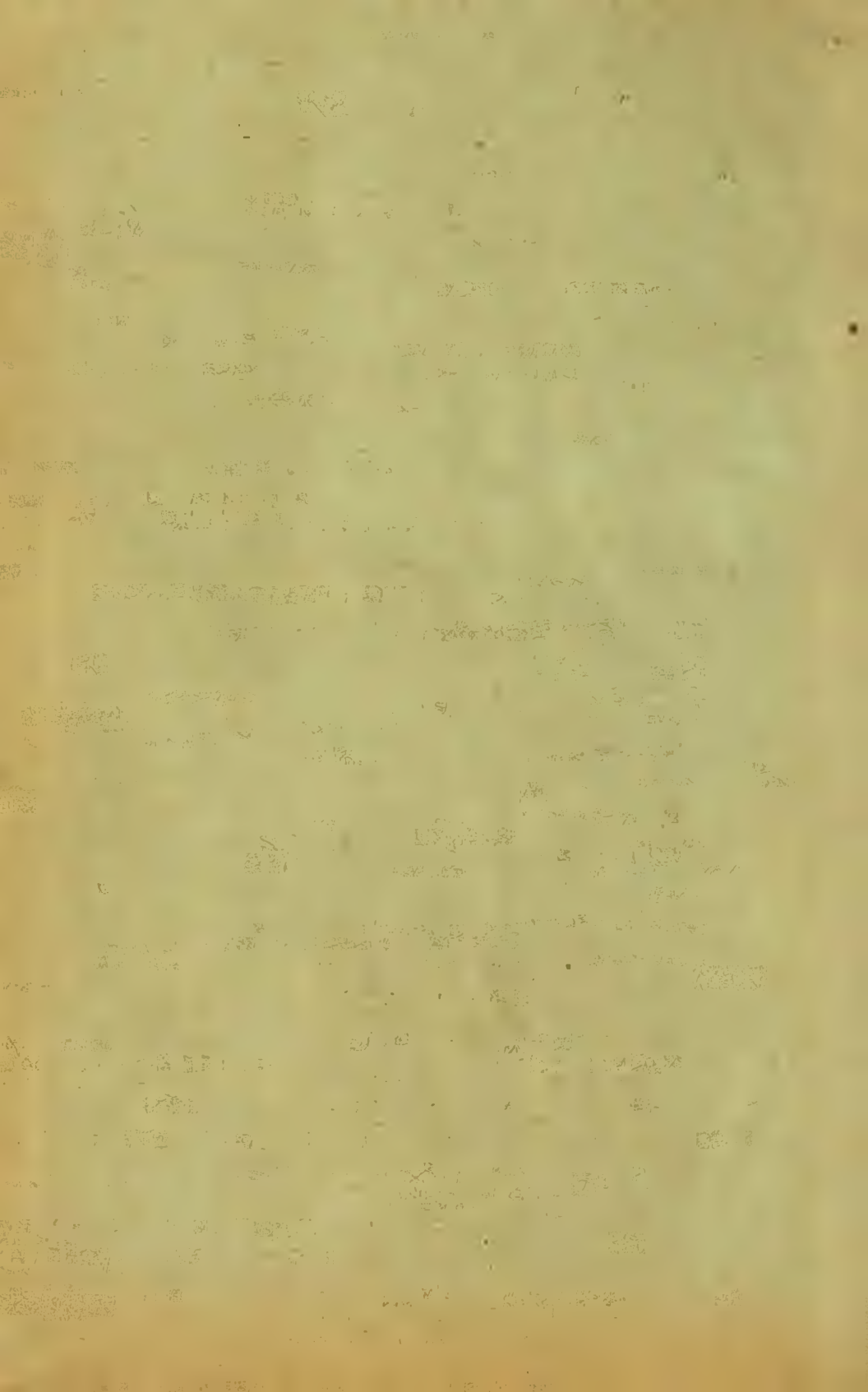

Рф $\frac{21}{517}$

1911 г. к 9-10 прил. 9-10

15 872
1911 г.

МАЯКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Журкины дѣти. Разсказъ С. Дурылина.

Осень. Стих. О. Жукъ.

Первый рабочій день. Разсказъ Г. Онруда.

Три пути. (Черезъ гору Симплонъ въ Швейцаріи.)
Н. Ульянова.

Машка-Домашка. Повѣсть С. Т. Семенова.

Вокругъ насъ. Осеннія наблюденія природы.
С. Покровскаго.

Головоломка. Алькора.

Для маленькихъ:

Вѣтеръ и дождикъ. Стих. С. Сѣвернаго.

Когда я была маленькая. А. Станюковичъ.

Въ текстѣ 49 рисунковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Наука и забава. Физическіе опыты и развлечения. Томъ-Тита.

Съ 19 рисунками.

№ 9

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

н-1584-49

Журчины дѣти.

(Изъ воспоминаній дѣтства.)

РАЗСКАЗЪ.

I.

Уже много лѣтъ, какъ умерла моя няня; того дома, въ которомъ я провелъ свое дѣтство—низенькаго, пузатенькаго домика въ восемь окошекъ по улицѣ, съ мѣднымъ крестикомъ надъ калиткой, уже не существуетъ; та улица, на которой онъ стоялъ, прежде широкая, немощенная, съ густою травою по боковымъ канавкамъ, сузилась, замощена, обстроена каменными домами, даже названіе у нея другое,—но весна, небо, густыя спокойныя облака надъ рѣкой, веселый праздничный звонъ—тѣ же,—и вотъ только слышу я этотъ апрѣльскій звонъ, вспомню, что теперь весна, слышу бодрый уличный стукъ колесъ и мальчишескій гамъ подъ окномъ,—я вспоминаю мою няню, я радуюсь своему дѣтству, радуюсь своему счастью, что я ничего не забылъ изъ милаго, прекраснаго, далекаго дѣтства...

Я сижу въ дѣтской передъ окномъ, верхомъ на деревянномъ коняжкѣ съ мочальнымъ хвостомъ. Я ѣду. Я — Иванъ Царевичъ, мой конь — Сѣрый Волкъ. Я знаю, что онъ добудетъ мнѣ ослѣпительную Жарь-Птицу съ алыми яхонтами вмѣсто глазъ и съ бурмицкимъ зерномъ въ клювѣ, найдетъ для нея клѣтку изъ золотыхъ прутьевъ съ серебряными перекладинками, онъ примчитъ мнѣ Елену Прекрасную съ бѣлорогимъ полумѣсяцемъ въ черныхъ косахъ,—я знаю все это про милаго, добраго, быстрога сѣраго друга. Я нагибаюсь къ его гривѣ, свѣшиваюсь, не слѣзая съ сѣдла, надъ его мордой,—

и три раза цѣлую Сѣраго Волка въ лобъ, отъ благодарности и умиленія. О, мой сѣрый вѣрный товарищ!

— Что это выдумалъ: коня цѣлуешь. Изъ него волосъ лѣзеть и краска на мордѣ линяетъ. Волосъ въ ротъ попадетъ,— говоритъ сзади меня няня. Она сидитъ у окна, въ черномъ платкѣ съ зелеными турецкими бобами и штопаетъ напыленный на деревянную ложку чулокъ.

Я ѣду. Я будто не замѣчаю ея словъ. „Глупости!— думаю я.— Не видитъ развѣ, что это волкъ? Спрашивается, какой это конь?“ Я нагибаюсь еще разъ къ его лбу и хочу поцѣловать, но уже нѣтъ прежней охоты,— и точно: маленькая шелушинка отъ сухой растрескавшейся краски остается во рту. Я заносу ногу черезъ сѣдло, слѣзаю и ухожу въ тотъ уголокъ дѣтской, гдѣ на бѣломъ, гладко вытесанномъ деревянномъ столикѣ лежатъ мои игрушки.

Я дуюсь на няню. Я выбираю старую бумажную гармонику, которая совсѣмъ не играетъ, а только жалуется, когда начнешь ее двигать: „а-а, а-а“, какъ ахалка—старушка старая. Я тихонько ковыряю тупымъ ножичкомъ ея уголки: мнѣ хочется сдѣлать отверстіе и надуть туда столько воздуха, чтобы стѣнки гармоники распрямились. Я усердно принимаюсь за работу.

И опять надо мной знакомый голосъ:

— Ну, дѣло какое доброе нашелъ! Положи гармонику. Самъ играть не хочешь—отдай другимъ. Работникъ какой выискался, Ломаль Иванычъ!

Няня беретъ гармонику и кладетъ на окно. Я совсѣмъ сердитый подбѣгаю къ окну. Хватаю мою гармонику:

— Тебѣ ее подарили? Какъ хочу, такъ и играю.

Няня истово кланяется мнѣ въ поясъ, хитро улыбаясь, тоненькимъ, какимъ-то, не своимъ, умильнымъ голоскомъ говорить:

— Ужъ не взыщите, баринъ сердитый! Ваша воля: что съ ней хотите, то и дѣлайте...

Я опять пробую разсердиться на няню: „Зачѣмъ она смѣется надо мной?“ но мнѣ самому становится смѣшно, да и не успѣваю я разсердиться: она ужъ улыбается на меня, какъ всегда—просто, и грустно немножко, и кротко,— и цѣлуетъ меня, и говорить:

— Знаешь что, Васенька: если она не нужна тебѣ, присучила, лучше подари ее другимъ дѣтямъ...

— Какимъ дѣтямъ?

— Какимъ Журналистамъ, илижъ

Няня чешетъ вязальной спицей за ухомъ, а сама смотритъ въ окно: тамъ весеннее небо, макушки деревьевъ, еще почти голыхъ...

— Какимъ? Журкинымъ.

— Какимъ Журкинымъ?

Я бы сейчасъ взялъ гармонику, и заводной пароходъ, и краски—и понесъ все Журкинымъ. Кто они?

— Няня! Какіе Журкины?

— А вонъ посмотри.

Няня подводитъ меня къ окну, я влѣзаю на подоконникъ, стучаюсь лбомъ о стекло, смотрю...

Тамъ, въ небѣ, высоко, высоко,—и такъ далеко надъ городомъ, надъ сѣренкими рѣдкими домиками и сквозными, безъ листвы, деревьями, — летитъ длинный клинушекъ журавлей. Дыханье захватываетъ: черныя быстрыя точки несутся въ небѣ—всѣ за одной, главной черной точкой. Вонъ она, всѣхъ впереди, одна, маленькая, черная на блѣдно-голубомъ небѣ... Няня отворяетъ форточку: тихо; вѣзды нѣтъ; неясно, но ближе, ближе—и все-таки такъ далеко! — доносится легкое нѣжное курлыканье...

— Няня, няня! Какіе они?..

— Это журки летятъ, а къ осени у нихъ дѣточки будутъ, журкины дѣтки. По овражкамъ, да гдѣ болотца, посырѣе гдѣ, поукромнѣй, у нихъ дѣти пойдутъ. Слушай, милый, слушай! Это они весну кличутъ.

Я слушаю, я замираю при этихъ далекихъ, милыхъ, нѣжныхъ звукахъ съ весеняго неба... Я пробую ихъ считать, журокъ; гдѣ счесть! Ихъ много, ихъ много.

Вотъ всѣ пролетѣли. Ничего не слышно. Форточку закрыли.

Я собираю въ корзинку гармонику и краски и кладу все на окно.

— Это журкинымъ дѣтямъ.

Я вѣрю, что въ овражкахъ, гдѣ посырѣе, они, большіе прилетѣвшіе журки, припрячутъ все для своихъ журкиныхъ дѣтей. Я отдаю нянѣ: она знаетъ, какъ лучше передать.

Вечеромъ, когда я иду спать, няня, раздѣвая, шепчетъ мнѣ на ушко:

— Отнесла все журкамъ. Какъ обрадовались! Все, говорятъ, припрячемъ. Покорно, молвили, благодаримъ. Они умные, журки-то.

Я радъ. Я соглашаюсь безъ споровъ умыться и переодѣть на ночь рубашку. Я засыпаю веселый и очень скоро.

II.

Прошла весна. Лѣтомъ не было ни минуточки свободной: бываетъ столько лѣтнихъ дѣлъ, когда лѣто ясное и хорошее. Гдѣ было вспомнить про журкиныхъ дѣтей!

Къ концу лѣта было мое рожденье. Мама позвала меня и спросила:

— Что тебѣ подарить?

По правдѣ сказать, мнѣ больше всего нуженъ былъ большой оловянный свистокъ на веревочкѣ, какъ у пастушка Сережки, но я зналъ, что его мнѣ не подарятъ, и потому сказалъ:

— Не знаю.

— Конь у тебя есть,—припоминала мама,—что бы тебѣ подарить? Паровозъ есть, гармоника у тебя есть.

Тутъ я вспомнилъ про журкиныхъ дѣтей, потому что гармоника была у нихъ. Я покраснѣлся.

— Ну, я знаю, что тебѣ подарю,—рѣшила мама.

На рожденье мнѣ подарили звѣринецъ и книгу, въ которой были описаны всѣ звѣри изъ звѣринца.

Я просилъ няню показать мнѣ журкиныхъ дѣтей; мнѣ непременно надо было знать, какія они—похожи ли на летѣвшія черныя точки...

Няня дѣлала хитрое лицо и говорила:

— Ихъ нельзя смотрѣть. Они въ оврагахъ. Журки туда никого не подпускаютъ. Да и нѣтъ ничего интереснаго: дѣти, какъ дѣти...

— Какъ я?

— Поди лучше поиграй въ звѣринецъ.

— Какъ я?

— Не знаю. Говорю: не видала. Кабы подпускали журки-то, а то нѣтъ.

Я игралъ въ звѣринецъ, но это было совсѣмъ неинтересно: развѣ можетъ быть, чтобы слоны были одного роста съ волками, а въ моемъ звѣринцѣ всѣ были одинаковые—даже индѣйскій пѣтухъ и носорогъ.

Во снѣ я въ ту ночь видѣлъ журкиныхъ дѣтей: они лопо-

тали что-то на непонятномъ языкѣ и играли на гармоникѣ, но какія они были — не знаю: когда спалъ—видѣлъ, а проснулся—забылъ.

Къ зимѣ опять вспомнилъ про нихъ и спросилъ няню: гдѣ они теперь? Вѣдь въ оврагахъ снѣгъ.

— Въ теплыхъ теперь краяхъ, за четырьмя морями. Одно море теплѣе другого. Какъ за четвертое море заѣдешь, такъ ужъ тамъ всегда тепло и про снѣгъ или про ледъ слыхомъ не слыхано. А за третьимъ моремъ, хоть снѣга не видалъ никто, а слышать — слыхано. А за вторымъ моремъ — и видывали снѣгъ, да только издали, а каковъ онъ: тепелъ или холоденъ — не знаютъ. А за первымъ моремъ, знаютъ что холодный, да только холоду отъ него большого нѣтъ: какъ выпадетъ, такъ сейчасъ и таетъ...

— А журкины дѣти за какимъ моремъ?

— Сказала: за четвертымъ! Далеко.

Тѣмъ и кончился разговоръ про журукъ.

III.

Мы ходили гулять всего чаще въ гимназическій садъ. Лѣтомъ тамъ шумѣли пахучія старыя липы и съ высокихъ прямыхъ тополей падала на дорожки пушистая нѣжная ватка, а зимою дорожки расчищались отъ снѣга, маленькіе гимназистики катались съ ледяной горки, а мы накатывали снѣжные комья для большихъ снѣговыхъ бабъ съ глазами изъ угольковъ. Няни чинно сидѣли на скамейкахъ. Всѣхъ дѣтей мы знали; бѣгать и кричать намъ не позволялось. Мы боялись высокаго, въ очкахъ и рыжей куньей шапкѣ, гимназическаго надзирателя. Какъ зашумишь, няни въ одинъ голосъ говорили:

— Вотъ пожди, пожди, въ гимназію поступишь—онъ тебя вспомнитъ. Онъ по памяти—во всемъ училищѣ первый. Онъ припомнитъ.

Мы брали съ собой коньки-снѣгурочки и катались гускомъ по политой водою дорожкѣ. Разъ я съ двоюроднымъ братомъ далеко укатились отъ няни къ гимназистикамъ, въ конецъ сада, куда намъ запрещалось кататься.

Гимназисты строили ледяной домъ, входъ въ который охраняли двѣ толстыя снѣговья бабы съ метлами въ рукахъ—одна съ носомъ изъ рѣпы, а другая—съ морковнымъ. Рѣпа выва-

лилась у бабы съ лица, и маленькій гимназистикъ въ сѣрой мѣховой курткѣ до колѣнъ запихивалъ ей рѣпный носъ обѣими руками, а носъ нѣтъ-нѣтъ да и вываливался. Смѣялись. Потомъ подлетѣлъ на норвежскихъ конькахъ длинный пятиклассникъ, выхватилъ у бабы рѣпный носъ и пустилъ имъ въ другого гимназиста. Стали играть въ снѣжки: кто снѣжкомъ кидается, кто — рѣпой. Выхватили у другой бабы носъ морковный, и полетѣли по саду снѣжки, рѣпа и морковь.

Мы съ братомъ были еще маленькіе, и насъ отгѣснили. Стали мы у забора, рядомъ съ пухлымъ, высокимъ сугробомъ.

Незнакомый мальчикъ постарше меня, въ рыжемъ тулупчикѣ, стоялъ у сугроба и дулъ во всѣ щеки на красные свои пальцы.

Всѣ дѣти были или гимназисты, въ шинеляхъ, или, какъ мы, въ мѣховыхъ пальто, а онъ, въ тулупчикѣ, казался совсѣмъ особенный. Мнѣ очень хотѣлось подойти къ мальчику. У него были глаза голубые, онъ добрый. Я бы заговорилъ съ нимъ. Я зналъ, какъ это надо дѣлать, — надо только спросить:

— Какъ тебя зовутъ?

Такъ всегда начинаютъ водиться съ новенькими. Я такъ познакомился раньше съ Митей: онъ немного постарше меня, дворниковъ сынъ. Насъ разыскалась няня. Она подошла, взяла брата за руку, а мнѣ сказала:

— Снимайте коньки. Завечерѣло. Ишь, куда закатились. Снѣжкомъ легко глазъ подшибить. Нынче рано темнѣть: скоро ли до дома доберемся?

Я сталъ снимать коньки. Мальчикъ въ тулупчикѣ вытряхивалъ снѣгъ изъ валенокъ и изъ шапки. У него были свѣтлые волосы, русые, подстриженные въ кружокъ. Вдругъ няня подошла къ нему и погладила его по головѣ.

Послѣ мы пошли домой.

Я всю дорогу приставалъ къ ней:

— Скажи, чей мальчикъ въ тулупчикѣ? Ты его знаешь?

Няня отвѣтила:

— Знакомый одинъ.

Мнѣ хотѣлось больше знать про милаго моего мальчика. Я хочу съ нимъ играть. Почему нельзя? Петя — мой двоюродный братъ, — меньше меня, совсѣмъ не умѣетъ играть: въ жмурки онъ всегда подглядываетъ однимъ глазкомъ изъ-подъ повязки, въ лошадки съ нимъ скучно: я хочу тройкой, а онъ одинъ. Я хочу играть съ тѣмъ мальчикомъ.

Няня молчала. Дома за обѣдомъ я скрипѣлъ стуломъ, каталъ маленькіе катышки изъ хлѣба и швырлся ими въ Петю.

— Даромъ Божимъ играть грѣхъ,—сказалъ мнѣ отецъ и выслалъ меня вонъ изъ-за стола.

Я затаился на сундучкѣ въ дѣтской и плакалъ.

IV.

Прошло нѣсколько дней. Не было того мальчика. Въ гимназическомъ саду вьюгой замело всѣхъ бабъ, и были всюду скучныя снѣжныя кучи. Мы туда не ходили.

Въ воскресенье мама послала няню со мною отнести въ богадѣльню пирогъ богадѣльнымъ старушкамъ. Испекли пирогъ съ тремя начинками: съ капустной, рисовой и съ кашей, увязали въ салфетку, и няня понесла. По дорогѣ я забѣгалъ отъ няни въ канавки съ глубокимъ снѣгомъ и набилъ себѣ снѣгомъ полныя ботики. Няня ворчала и велѣла сѣсть мнѣ на крылечко у какого-то совсѣмъ маленькаго домика, чтобы вытряхнуть изъ ботишковъ мокреть. Мнѣ было лѣнь снимать ботики, и я говорилъ нянѣ:

— Насъ прогоняютъ съ крылечка. Вотъ увидишь, прогоняютъ. Крылечко чужое.

Няня поставила къ сторонкѣ пирогъ въ узелкѣ и выколачивала ботики:

— Не прогоняютъ. Небось, не прогоняютъ.

Я смотрѣлъ на окошки домика. Няня вытирала фартукомъ мои мокрые башмаки.

У ближняго окошка въ домикѣ стоялъ мой мальчикъ и держалъ въ рукахъ мою гармонику.

Я вскрикнулъ отъ радости:

— Няня! смотри, смотри: журкинъ дѣтенокъ!

Въ окнѣ былъ мой мальчикъ въ тулупчикѣ, котораго я видѣлъ въ гимназическомъ саду. Онъ былъ журкинъ мальчикъ, потому что онъ игралъ на гармоникѣ, которую я подарилъ журкинымъ дѣтямъ.

— Сладу съ тобой нѣтъ,—разсердилась совсѣмъ няня.— Ноги всѣ промочилъ и минутку посидѣть смирно не можешь, вертишься, вьюнь-вертунъ, прости Господи!

Но я ухватился за нянину руку, я цѣловалъ няню, и про-

силъ и требовалъ, чтобъ она привела ко мнѣ журкина мальчика. Она его знаетъ. Онъ знакомый.

Должно быть, я долго и крѣпко просилъ, потому что няня постучала въ дверь крылечка; отперли—и няня ввела меня въ маленькія тѣсныя сѣнцы. Тамъ было свѣтло и пахло мятой. А у двери, съ деревяннымъ засовомъ въ рукѣ, стоялъ милый мой журкинъ мальчикъ и улыбался мнѣ.

Я весь зародовался, я протянулъ ему руку и сказалъ, замирая сердцемъ:

— Здравствуй!

Онъ молча пожалъ ее. Онъ былъ много старше меня. Онъ былъ въ синей рубашкѣ.

Няня поцѣловала его и улыбнулась мнѣ на него:

— Ну, что, доволенъ теперь? Сокровище какое!

Я ничего не нашелся сказать ни ей, ни мальчику: я же былъ дикій и маленькій.

А няня ему сказала:

— Мы обогрѣться на чуточку зашли. Въ богадѣльню пирогъ несемъ. Ну, вотъ смотри, вотъ какой нашъ Василій Васильевичъ.

Василій Васильевичъ былъ я.

Скоро няня надѣла мнѣ ботики. Мальчикъ отворилъ дверь на крылечко. Шелъ снѣгъ. Мальчикъ протянулъ мнѣ руку. Я сказалъ ему чуть слышно:

— Журя!

А когда мы проходили мимо домика, я глянулъ на окошко и увидилъ дѣвочку, поменьше Журя, съ меня. Она была въ голубенькомъ платьицѣ. Она была, какъ Журя: съ синеватыми глазками, русая, журина сестра.

V.

Больше я никогда не видалъ съ няней журкиныхъ дѣтей: ни Журю, ни его сестрицу.

Я помню, въ тотъ вечеръ, когда мы ходили съ няней въ богадѣльню, я заснулъ рано, потому что усталъ. А ночью я всегда просыпался и просилъ пить. Я проснулся, какъ всегда, и разгулялся, такъ какъ рано легъ и успѣлъ уже выспаться, и я слышалъ, какъ въ дѣтской,—не въ той, гдѣ я спалъ, а въ той, гдѣ играли съ братомъ и гдѣ я учился, мама говорила нянѣ:

— Няня, я очень рада, вы знаете, что эти дѣти не на улицѣ, а растутъ въ теплѣ и не голодаютъ, это ваше доброе дѣло, но моихъ дѣтей вы къ нимъ не водите. Я ничего не говорю, но вѣдь все можетъ быть: болѣзнь или что, я ихъ не знаю. Мальчикъ весь вечеръ рассказываетъ, волнуется... такъ нельзя.

Тутъ я запросилъ пить. Мама ушла.

Мы никогда не ходили гулять на ту улицу.

Весною мы переѣхали жить въ другой городъ: папѣ дали другое мѣсто на службѣ. Лѣтомъ мы ѣздили въ степь, на кумысь. Я поступилъ въ гимназію. Мы съ братомъ смѣялись про журкиныхъ дѣтей; какіе мы были глупые, вѣрили, что тѣ дѣти были журкины. Какъ у журавлей могутъ быть человѣчи дѣти—мальчикъ и дѣвочка? Мы были съ братомъ тогда такіе умные гимназисты: учили естественную исторію и уже прочли всего Майнъ-Рида и Жюль-Верна. Мы смѣялись надъ няниными выдумками. А потомъ, когда стали совсѣмъ большіе, и забыли про нихъ совсѣмъ: столько читали мы новыхъ книгъ и столько нужно было зубрить къ экзаменамъ,—гдѣ тутъ было помнить про какихъ-то журкиныхъ дѣтей! Няня жила на покоѣ, въ богадѣльнѣ, въ томъ самомъ городкѣ, гдѣ шло мое раннее дѣтство.

Однажды мы сидѣли какъ-то всѣ за чаемъ: отецъ, мать, я, двоюродный братъ,—и вспоминали всѣ дружно, какъ мы съ братомъ были маленькіе. Вспомнили гимназическій садъ, строгого надзирателя въ куньей шапкѣ, снѣговыхъ бабъ. Вспомнили журкиныхъ дѣтей. Смѣялись.

Отецъ сидѣлъ съ книгой, листовалъ страницу за страницей; отложилъ книгу въ сторону и сказалъ мнѣ серьезно, даже строго какъ будто:

— А хочешь я тебѣ расскажу, кто были твои журкины дѣти? Ты вѣдь до сихъ поръ не знаешь.

Я хотѣлъ. И онъ мнѣ рассказалъ.

Въ томъ городѣ, гдѣ я провелъ свое дѣтство, былъ холерный годъ. Папа и мама жили тогда еще въ другомъ городѣ. Няня служила у какого-то чиновника, тоже ходила за дѣтьми. Напротивъ того дома, гдѣ она жила, стоялъ домикъ сапожника; была у него семья: жена, мальчикъ, дѣвочка только-что родилась. И въ два дня не стало у дѣтей никого; отъ холеры умеръ сапожникъ, а черезъ день и мать отъ нея же умерла. Остались круглыя сироты. Тогда няня,—милая, кроткая наша няня!—уговорила свою куму взять дѣтей къ себѣ, а сама пла-

тила кумѣ за нихъ изъ своего скуднаго жалованья, и заботилась и растила ихъ. Все на нихъ отдавала, что отъ господь получала.

И отъ всѣхъ таилась. Отъ господь, гдѣ до насъ служила, и отъ нашей мамы, когда къ намъ перешла, скрывала про тѣхъ дѣтей, потому что господа думали, что няня будетъ плохо ходить за ихъ дѣтьми, если у ней будутъ еще тѣ дѣти.

Послѣ наша мама узнала про тѣхъ дѣтей и помогала немного нянѣ, но насъ туда водить ей запретила.

Такъ и стали для насъ тѣ дѣти — журкины, не нянины.

Я былъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи, когда няня умерла. Я поѣхалъ проститься съ нею. Была весна. Уже сошелъ снѣгъ. Березы блѣдно зеленѣли, тонкія и пахучія. Рѣка держала еще полуую воду, но уже была тиха. Былъ праздникъ. Колокольный звонъ переливался надъ городомъ.

На кадишѣ народъ разбрелся по могиламъ. Я стоялъ у нянина свѣжаго холмика и плакалъ. Могильщики заступами заравнивали со всѣхъ сторонъ холмикъ и спѣшили съ работой. Рядомъ, къ березѣ прислонили высокій деревянный крестъ на нянину могилку. Мнѣ вспомнилось просто и нѣжно все мое дѣтство, прошедшее подъ няниной лаской, съ няниной заботой, съ ея вѣрной помощью. Поставили крестъ надъ могилой. Ушелъ послѣдній могильщикъ. Я поклонился няниной могилѣ и отошелъ.

На ближней дорожкѣ меня ждалъ юноша, старше меня, съ непокрытой головой, въ рубашкѣ-косовороткѣ, въ клеенчатой разстегнутой курткѣ. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Помните Журю? Я былъ Журя. Узналъ васъ.

Мы вернулись на нянину могилу. Сѣли на притоптанную траву. Вспомнили все. Журя служить на желѣзной дорогѣ, машинистъ, онъ Сергѣй, а не Журя. Долго говорили. Сестра его готовится на сельскую учительницу; не успѣла пріѣхать на похороны. Я рассказалъ ему все про журкиныхъ дѣтей. Онъ взялъ меня за руку.

— Что жъ, это вѣрно: мы—ея дѣти, выходила, вынянчила, выносила.

И онъ указалъ на маленькій свѣжій холмикъ съ бѣлымъ сосновымъ крестомъ.

Мы поклонились ему до земли.

Сергѣй Сѣверный.

О с е н ь .

С л е т а ю т с я в ь с т а и г р а ч и .
И ц ѣ л ы е д н и н е с м о л к а я ,
К р и ч а т ь и х л о п о ч у т ь в ь п о л я х ь
И х ь д р у ж н ы я , ш у м н ы я с т а и ;
А в е ч е р о м ь ч е р н а я с ь т ь
Н а н е б ь , з а р е ю о б ь я т о м ь ,
Д о с у м е р е к ь б у д е т ь в и с ь т ь
З а р о щ е й , н а ф о н ь з а к а т а .
К а к ь я р к и н а р я д ы б е р е з ь
И к р а с н о й д р о ж а щ е й о с и н ы !
А к о ч к и н е д а в н и й м о р о з ь
З а т к а л ь с е р е б р о м ь п а у т и н ы .
Б о г а т ы й о с е н н и й у б о р ь
М ь с т а м и с ь д е р е в ь е в ь с в а л и л с я ,
И ж е л т ы й ш у р ш а щ и й к о в е р ь
В н и з у п о з е м л ь р а з с т е л и л с я .
И д е ш ь — и ш у м и т ь п о д ь н о г о й ...
А н е б о в в е р х у г о л у б о е
С я е т ь с в о е й ч и с т о т о й
И т и х о й о т р а д о й п о к о я ! ..

О . Ж у к ь .

Первый рабочий день.

Разсказъ Ганса Онруда.

Опираясь на локти, Христіанъ пододвинулся къ нижнему концу кровати и выглянулъ въ оконце.

Въ просторной комнатѣ было почти совсѣмъ темно. На дворѣ стояли предразсвѣтныя сумерки и на ясно-синемъ осеннемъ небѣ виднѣлись еще единичныя крупныя звѣзды.

„Который же теперь можетъ быть часъ?“ Но опоздать на работу онъ никоимъ образомъ не долженъ; не позволитъ онъ себѣ такъ опозориться; да за это, чего добраго, могли бы еще сдѣлать у него вычетъ изъ поденной платы, а исправный работникъ долженъ получать всю плату сполна. Но вотъ штука-то, вѣдь онъ забылъ спросить о размѣрѣ поденной платы, а Ола Нордлинъ самъ тоже ничего не упомянулъ объ этомъ!

Мальчикъ повернулся, сѣлъ на постелѣ и посмотрѣлъ на вторую кровать, стоявшую у второго окна, въ которой спала мать.

— Мать! а, мать!

Прежде чѣмъ проснуться, та нѣсколько разъ перевернулась съ боку на бокъ и лишь затѣмъ раскрыла глаза.

— Да-а! Что тебѣ Христіанъ?

— Ты не слыхала, сколько платить въ день Ола Нордлинъ?

— И изъ-за этого ты будишь меня, гадкій мальчикъ?

— Еще я подумалъ, не пора ли тебѣ варить кофе? Потому что вѣдь рабочему человѣку надо имѣть время, чтобы хорошенько разгуляться ото сна.

— Ложись сейчасъ, спи! Я ни за что не просплю.

Но Христіанъ заснуть не могъ; да что касается сна, такъ онъ и ночью-то спалъ немного, потому что наканунѣ вече-

ромъ, только-что онъ собрался ложиться и уже сталъ спускать штанишки, какъ совершилось необычайное событіе.

Самъ Ола Нордлинъ вошелъ къ нимъ, пожелалъ добраго вечера и сказалъ:

— Я только-что обошелъ верхнее село и договаривался съ рабочими для рытья картофеля; вотъ и къ вамъ зашелъ узнать, нѣтъ ли у васъ лишнихъ рабочихъ рукъ?

— Нѣтъ, у меня теперь никого нѣтъ. Вѣдь мой Перъ нанялся ходить за скотомъ въ Опсалъ и раньше праздниковъ домой не вернется.

— Никого нѣтъ? А мнѣ сдается, что вонъ у кровати стоитъ у тебя парень хоть куда; о немъ-то я и пришелъ справиться.

Можно себѣ представить, до чего при этихъ словахъ Христіанъ старался вытянуться повыше.

— Стало-быть, ты его хочешь нанять для рытья картошки?—спросила мать.

— Да, я созвалъ уже цѣлую толпу такихъ парнишекъ, Кульвескихъ ребятъ, Сагбакскихъ и Эпса Перхуса.

Мать, улыбаясь, посмотрѣла на Христіана.

— Да вотъ не знаю, что скажетъ на это самъ Христіанъ. Потолкуй съ нимъ самимъ.

Тутъ Христіанъ понялъ, что мать отпустить его.

Тогда Ола Нордлинъ повернулся къ нему и такъ же серьезно, какъ если бы говорилъ со взрослымъ рабочимъ, спросилъ:

— Скажи-ка мнѣ, Христіанъ, какъ ты думаешь, — можешь ты завтра итти помогать намъ при сборѣ картофеля?

Христіанъ снова натянулъ штанишки, застегнулъ ихъ, насколько было возможно при такой спѣшкѣ старательнѣе, сѣлъ на скамью, закинулъ ногу на ногу, сплюнулъ далеко въ сторону и сказалъ:

— Да-а! По настоящему-то у меня не больно много времени, но какъ у тебя недостача въ рабочихъ, то надо ужъ будетъ притти.

И вотъ по этой-то причинѣ Христіанъ и не могъ снова заснуть: опоздать онъ ни за что не хотѣлъ, да еще много кое-чего надо было обмозговать: какъ снарядиться на работу — разъ; потомъ какъ себя вести—два.

Утро наступало удивительно медленно; ему казалось, что стрѣлки часовъ не двигаются—да, можетъ-быть, они остановились? Нѣсколько разъ онъ пробовалъ громко откашливаться и отхаркиваться, чтобы узнать, не проснулась ли мать. Когда

же она, наконецъ, встала, то едва успѣла наполнить кофейный котелокъ водой, какъ Христіанъ уже очутился среди комнаты.

У него оказалось еще масса дѣла. Прежде всего онъ удостовѣрился, всѣ ли пуговицы на панталонахъ сидятъ крѣпко; нѣтъ, одна болталась на ниткѣ, и нужно было прикрѣпить ее какъ слѣдуетъ; вѣдь рабочему человѣку непремѣнно нужно имѣть штаны, которые выдержали бы заправскую работу.

Затѣмъ настала очередь кожаного пояса подвергнуться осмотру — оказалось, на немъ необходимо продѣлать новую дырочку, чтобы покрѣпче стянуть его, а то онъ былъ слишкомъ свободенъ; если же придется попасть на работу, то лучше его затянуть потуже. А новый шарфъ онъ свободно набросить на плечи, когда пойдетъ на работу — это будетъ очень красиво; да и послѣ, когда онъ сниметъ куртку, аккуратно сложить ее, а сверху покроетъ шарфомъ, то и тогда это будетъ очень хорошо.

Задолго до того, какъ закипѣлъ кофе, Христіанъ уже одѣлся и совсѣмъ собрался въ дорогу, даже сѣно положилъ въ сапоги и колпакъ съ кисточкой натянулъ на голову. Онъ то входилъ въ горницу, то выходилъ, и дѣлалъ видъ, что хлопотъ у него по горло. Когда же наконецъ кофе вскипѣлъ, онъ наскоро проглотилъ его, хотя ему и слѣдовало наѣсться какъ слѣдуетъ, чтобы потомъ и работать какъ слѣдуетъ. Мать, стоя на порогѣ, просила его быть послушнымъ и работать, насколько только хватитъ силъ, и когда онъ, нахлобучивъ свой колпакъ до ушей, большими шагами, точно взрослый, въ перевалку, спускался внизъ съ горы по дорогѣ къ Нордлину, она долго смотрѣла ему вслѣдъ.

Когда онъ добрался до Нордлина, тамъ на дворѣ было еще совсѣмъ тихо; ничто не шевелилось, кромѣ дыма, медленно поднимавшагося изъ кухонной трубы, и ничего не было слышно, кромѣ равномерной жвачки лошадей въ конюшнѣ, которымъ въ виду предстоявшей усиленной работы днемъ, задали кормъ утромъ пораньше.

Впрочемъ, спустя немного, онъ услышалъ, какъ Ола Нордлинъ расхаживаетъ по дому и будить всѣхъ. Когда же онъ вышелъ на крыльцо и увидалъ Христіана, то воскликнулъ:

— Клянусь честью, настоящему работнику такъ и слѣдуетъ являться первому на мѣсто.

Тогда Христіанъ, выставивъ одну ногу впередъ, произнесъ:

— Да, по-моему намъ уже слѣдовало бы находиться на работѣ, чтобы что-нибудь сдѣлать до вечера.

Мало-по-малу дворъ оживлялся: служащіе просыпались и, зѣвая и потягиваясь, выходили во дворъ; изъ горной деревеньки, что находилась повыше Нордлина, появлялись одинъ за другимъ то взрослые, то ребята, хуторяне и бобылки, и Ола Нордлинъ расхаживалъ по двору, собиралъ и раздавалъ всѣмъ мотыки и кирки и ведра, а Трампельпетерь, его рабочій, выводилъ и поилъ лошадей.

Христіанъ былъ самымъ маленькимъ изъ всѣхъ и поэтому старался держаться впереди, такъ, чтобы его замѣтили. Языкъ у Трампельпетера былъ куда какъ остеръ, и онъ тотчасъ же заявилъ:

— Глядите-ка, что это тамъ за картошка! Вотъ такъ громадина!

Христіанъ страшно взбѣсился на негодяя, но когда Ола Нордлинъ сказалъ:

— Это мой старшой. Слушай, Христіанъ, ты смотри, приглядывай за Трампельпетеромъ, да и за другими тоже! — то гнѣвъ его тотчасъ же улегся.

Но на лицѣ все же выражалась нерѣшительность, и губы слегка подергивались; потому что, хотя онъ и зналъ про себя, что онъ парень стоящій, но такого отличія все же не ожидалъ.

— Да ты это взаправду, Оло Нордлинь?

— Какъ есть взаправду.

Къ этому времени уже всѣ собрались, за исключеніемъ лѣнтя Эпса Перхуса, неспѣша спускавшагося по тропинкѣ. Тогда Христіанъ крикнулъ ему, чтобы онъ, сдѣлалъ милость, прибавилъ немножечко ходу.

— Ну, а теперь запрягай лошадей, Трампельпетеръ; а намъ уже пора отправляться, — и, взявъ въ руки ведро и перекинувъ кирку черезъ плечо, онъ, во главѣ всей толпы, большими шагами направился къ ближайшему картофельному полю.

Весь народъ разсыпался вдоль длинной картофельной борозды — взрослые для копанья и при каждомъ изъ нихъ по мальчику для подбирания картофеля. Христіанъ устроился такъ, чтобы попеременно работать то впереди Ола Нордлина, то Трампельпетера, потому что тѣ копали не все время: Оло приходилось поднимать новыя борозды, когда старую начисто выбирали, а Трампельпетеръ отвозилъ уже наполненные мѣшки въ усадьбу.

Ола оставилъ плугъ и поднялъ борозду, такъ что чудныя, бѣлыя картофелины рассыпались по черной сырой землѣ; всѣ спины наклонились, чтобы раскапывать землю, и всѣ маленькія руки задвигались, словно барабанныя палки, подбирая картофель; быстро наполнялись бѣлые мѣшки, положенные въ рядъ позади нихъ, такъ какъ Христіанъ и еще нѣкоторые другъ передъ другомъ старались поскорѣе каждому наполнить свой мѣшокъ и чаще остальныхъ опрастывать свое ведро. Въ этотъ день на полѣ Нордлина здорово шла работа!

Сначала время летѣло быстро, и не успѣлъ еще Христіанъ опомниться, какъ наступилъ полдень и ихъ позвали въ усадьбу и накормили. Когда же, поѣвши, они сытые и довольные отдыхали, сидя на дворѣ, Ола Нордлинь сказалъ:

— Да-а! вотъ такъ-то ладно идутъ дѣла, когда есть стоящій старшой... Я полагаю, что мнѣ придется-таки заплатить Христіану двойную поденную плату, если онъ поборетъ Эпса

Перкуса; но я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что Эпсъ очень силенъ.

Съ минутку Христіанъ колебался, но потомъ затянулъ поясъ на новую дырочку, поплевалъ на руки и сказалъ:

— Ну, а теперь выходи, Эпсъ!

Они сдѣпились другъ съ другомъ; сначала ни тотъ ни другой не одолѣвалъ; но наконецъ Христіанъ все-таки упалъ на колѣни, и въ ту же минуту лопнулъ его поясъ. Весь красный поднялся онъ съ земли и, протянувъ впередъ свой поясъ, сказалъ:

— Я проигралъ, это вѣрно. Но вотъ на, смотри, Оло Нордлинъ: если бы у меня былъ такой же крѣпкій поясъ, какъ и я самъ, то я положилъ бы Эпса.

Всѣ заговорили о силѣ, и Трампельпетеръ, которому очень хотѣлось прослыть за силача, заявилъ, что онъ можетъ поднять на телѣгу цѣлую кадку съ картофелемъ.

— Да и я могу сдѣлать то же—на словахъ,—сказалъ Христіанъ, да такъ серьезно и сухо, что Оло Нордлинъ и всѣ остальные разразились смѣхомъ; но съ этой минуты Трампельпетеръ и Христіанъ не очень-то дружили другъ съ другомъ.

Время послѣ обѣда шло уже не такъ быстро, стало довольно тепло, и солнце пекло имъ спину. Можетъ-быть, былъ тотъ грѣхъ съ Христіаномъ, что онъ разочекъ другой покосился на солнце, чтобы убѣдиться, скоро ли настанетъ время отдыха, но спрашивать онъ ничего не спрашивалъ, подбиралъ картошку такъ же быстро, какъ и раньше, и даже обратилъ вниманіе на то, что Эпсъ Перкусъ больше все стоялъ на колѣняхъ, нежели нагибалъ спину. Такъ дѣлать не годится, если работать по совѣсти, и пусть Эпсъ не прогнѣвается, а по-настоящему наклоняетъ свою лѣнивую спину. Но когда время уже подошло къ вечеру, случилось, что и у самого Христіана къ колѣнямъ прилипало немного землицы, когда этого никто не замѣчалъ, да и спина его значительно сгорбилась противъ утренняго. Но тутъ какъ разъ и Ола Нордлинъ покончилъ свою работу и послалъ его въ усадьбу обмѣнить мотыку,—онъ понялъ, что мальчику необходимо хоть немного передохнуть.

Наконецъ-то наступилъ вечеръ, солнце сѣло, лошадей пустили на лугъ, всѣ поужинали и приготовлялись итти домой, мужчины съ трубками во рту, а женщины уже на полпути домой, такъ какъ онѣ торопились подоить коровъ на ночь.

Телѣга, нагруженная послѣднимъ картофелемъ, находилась около спуска въ подвалъ, и Трампельпетеръ стоялъ, прислонившись къ ней.

Онъ исподтишка оглянулся, сдѣлалъ видъ, что весь ушелъ въ свои мысли и, будто въ разсѣянности, поднялъ одинъ изъ мѣшковъ съ картофелемъ и поставилъ его на землю. Вскорѣ затѣмъ онъ снова положилъ его обратно на телѣгу и опять украдкой оглянулся. Да, но *они* замѣтили, и Ола Нордлинъ тотчасъ же сказалъ:

— Да вѣдь ты же силачъ, Перъ! Что ты на это скажешь, Христіанъ?

— Ну, это еще бабушка надвое сказала!

Но тутъ рабочій разсердился не на шутку.

— Нѣтъ, вы только послушайте этого молодца! — Онъ снова схватилъ мѣшокъ и опустилъ его на землю. — Много же тебѣ еще нужно съѣсть кашицы, прежде чѣмъ ты сможешь положить этотъ картофель обратно на телѣгу.

— А можетъ-быть, мнѣ это удастся сейчасъ, — замѣтилъ Христіанъ.

— Пусть я буду самый негодный паренъ во всей округѣ, если ты сумѣешь это сдѣлать!

— Будь свидѣтелемъ, Ола Нордлинъ! Одолжи-ка мнѣ свой мѣшокъ.

И, прежде чѣмъ Трампельпетеръ успѣлъ возразить хоть слово, Христіанъ взвалилъ пустой мѣшокъ на телѣгу и принялся пересыпать въ него картофель изъ мѣшка, что стоялъ на землѣ. Съ невѣроятной быстротой онъ справился съ работой и на придачу бросилъ на телѣгу и опустѣвшій мѣшокъ.

— Вотъ теперъ и картофель и мѣшокъ на телѣгѣ, и ты оказываешься самымъ негоднымъ парнемъ во всемъ приходѣ.

Трампельпетеръ сплюнулъ далеко въ сторону и убѣжалъ въ домъ.

Ола Нордлинъ такъ хохоталъ, что на глазахъ у него вернулись слезы.

— Да, если кто и заслужилъ двойную поденную плату, такъ это ты, Христіанъ. Что же, мнѣ сейчасъ разсчитаться съ тобою, или ты придешь ко мнѣ на работу и завтра?

— Вѣдь ты же понимаешь, что я долженъ помогать тебѣ, пока ты совсѣмъ не управишься съ картошкой.

Когда послѣ этого Христіанъ одинъ-одинешенекъ плелся по тропинкѣ надъ обрывомъ къ себѣ домой, колѣна у него

какъ-то странно подгибались. Лучше всего посидѣть хоть крошечку... До дому дойти остается всего нѣсколько минутъ, но отдохнуть все-таки не мѣшаетъ, и онъ сѣлъ на краю дороги.

Вдругъ голова его стала покачиваться то въ одну, то въ другую сторону.

И не успѣлъ онъ опомниться, какъ, прислонясь къ скалѣ, сладко заснулъ.

Мать, стоя у окна, видѣла все. Въ ту же минуту она очутилась рядомъ съ нимъ.

— Проснись, Христіанъ, надо итти домой. Вѣрно ты сегодня порядкомъ таки усталъ.

— Это ты мать? Гдѣ я?—И онъ принялся протирать себѣ глаза.

— Ты заснулъ здѣсь на дорогѣ.

— Я заснулъ? Слушай, мать: лучше ты не рассказывай объ этомъ, чтобы это какъ-нибудь не дошло до Трампельпегера. Впрочемъ, никакого стыда въ этомъ нѣтъ, вѣдь я заработалъ сегодня двойную поденную плату!

Переводъ Л. Горбуновой.

Три пути.

(Гора Симплонъ въ Швейцаріи).

(Окончаніе.)

Чтобы не терять времени, работы начались въ ручную. При помощи бурава и молота дѣлали отверстіе, въ которое закладывалась мина, взрывали ее и сверлили камень для закладки

Карта мѣстности, гдѣ проложенъ туннель.

новой мины. Но работа въ ручную подвигается медленно. А при прорытіи туннеля приходится считаться вотъ съ какимъ обстоятельствомъ. Число рабочихъ, которые работаютъ впе-

реди, которые, такъ сказать, первыми продвигаются все дальше и дальше въ глубь горы, число этихъ рабочихъ не можетъ быть велико. Когда строится большой каменный домъ, то для работы можно поставить двухъ рабочихъ, можно поставить 20

Забойщики.

рабочихъ, а можно и 200. Для всѣхъ мѣста хватить, и работа пойдетъ въ 10, въ 100 разъ скорѣе. Когда пробиваютъ галерею въ землѣ, то въ передней, головной, части ея мѣста такъ мало, что тамъ могутъ помѣститься и работать одновременно только 3—4 человѣка.

Если бы работа по постройкѣ Симплонскаго туннеля велась въ ручную, то для ея окончанія потребовалось бы не 7 лѣтъ, а больше ста. Такое предпріятіе стало возможнымъ, конечно, только при замѣнѣ простого ручного сверла и кирки могучей машиной, которая занимаетъ мало мѣста, а работаетъ съ такой силой, какъ нѣсколько десятковъ человѣкъ сразу. Это—такъ называемая *гидравлическая сверлильная машина*.

Гидравлическая—значитъ дѣйствующая напоромъ воды. По трубѣ подъ сильнымъ давленіемъ къ сверлильной машинѣ гнали воду, которая приводила въ движеніе сверла и въ то

же время охлаждала ихъ, такъ какъ отъ быстрого вращенія въ камнѣ сверла накаливаются словно въ печи.

Гора, которую атаковали люди, сама же доставляла и средства для этой атаки,—именно ту силу, которую необходимо было имѣть въ подспорье силъ рукъ человѣческихъ. А сила нужна была громадная. Необходимо было накачивать воду для работы буравовъ, нужно было приводить въ движеніе насосы, которые выкачивали воду изъ туннеля, нужна была сила для движенія динамо-электрическихъ машинъ, которыя давали освѣщеніе и вращали вентиляторы, замѣнявшіе въ туннелѣ испорченный воздухъ свѣжимъ, нужна была сила, чтобы сжимать воздухъ, которымъ дѣйствовали особые локомотивы, ходившіе по рельсамъ внутри туннеля для перевозки матеріаловъ. И всю эту силу давали потоки, стекавшіе съ горъ, которые приводили въ движеніе особыя водяныя колеса-турбины. На сѣверномъ концѣ туннеля воспользовались для этого водой рѣки Роны, на южномъ—рѣки Диверги.

Какъ извѣстно, чтобы сравнивать силу машины, установили мѣру, которую назвали лошадиной силой. Она приблизительно равна силѣ средней лошади. Такъ вотъ такихъ лошадиныхъ силъ Рона давала для прорытія туннеля 2230, а Диверга—1950. Подспорье рукамъ рабочихъ было немалое.

Гидравлическая сверлильная машина въ дѣйстви. На рисункѣ видно, какъ изъ дыръ, которыя буравятъ сверла, льется вода.

Посмотримъ, какъ велась работа въ туннелѣ.

Изъ трехъ главныхъ частей состоитъ вся работа по устройству туннеля. Прежде всего пробивается узкая невысокая галерея. Затѣмъ ее расширяютъ до нужныхъ размѣровъ. И, на-

конецъ, ее отдѣлываютъ окончательно, устраиваютъ своды, стѣны, водостоки и т. д.

Рабочіе, пробивающіе туннель, идутъ на полверсты впереди тѣхъ, которые занимаются его расширеніемъ. Главную работу дѣлаетъ сверлильная машина. Она съ дьявольскимъ шумомъ грызетъ скалы. Во время этого шума бесполезно говорить—ничего не слышно. Рабочіе, которые занимаются передовой работой, переговариваются на особомъ языкѣ знаковъ или односложными звуками.

Устройство бурава гидравлической сверлильной машины. Черезъ трубки пускается вода, которая приводитъ въ движеніе небольшое водяное колесо — турбину, помѣщенную въ патронѣ сверла.

По своему внѣшнему виду сверлильная машина напоминаетъ пушку. Все приспособленіе прочно укрѣпляется къ стѣнкамъ галлерей. Сама машина поставлена на вагон-

Локомотивъ, работающій сжатымъ воздухомъ.

чикъ, который можно по желанію придвинуть или отодвинуть отъ скалы.

Сверла могут поворачиваться въ любую сторону. Они вращаются особымъ приспособленіемъ, которое приводится въ движеніе водой, вгоняемой подь очень сильнымъ давленіемъ. Этими сверлами дѣлають дыры глубиной въ 1,20—1,50 метра и діаметромъ 10—12 сантиметровъ. Отверстія дѣлають четыре большихъ и восемь маленькихъ.

Притупленные буравы во время работы тотчасъ замѣняются. Это дѣлается быстро, безъ всякой остановки въ дѣйствіи машины. Чтобы высверлить эти 12 дыръ, нужно $2\frac{1}{2}$ часа въ среднемъ, но иногда и 5 и даже 10 часовъ.

Когда дыры готовы, ихъ наполняютъ динамитомъ, всѣ отходятъ на $\frac{1}{2}$ версты и поджигаютъ фитиль. Черезъ нѣсколько времени раздается рядъ взрывовъ. Сильный токъ воздуха, какъ вѣтеръ, тушитъ лампы и на время прерываетъ дыханіе. Рудокопы сбѣгаются къ мѣсту взрыва. Одни собираютъ въ тѣлѣжки упавшіе обломки; другіе откалываютъ тѣ куски скаль, что готовы упасть, но еще держатся; третьи прокладываютъ рельсы для сверильной машины.

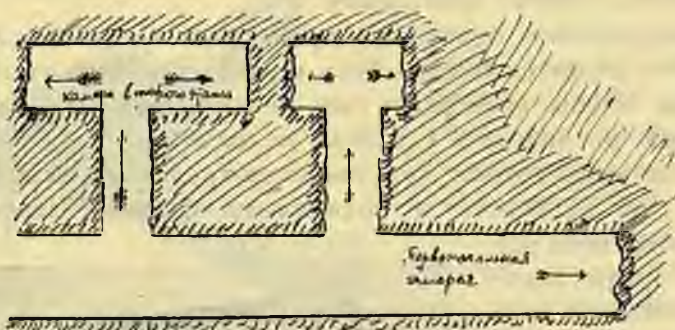
Работа надъ расширеніемъ туннеля.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, подвигаются впередъ рабочіе со сверильной машиной. Они оставляютъ за собой коридоръ около двухъ съ половиной аршинъ шириной и около двухъ аршинъ высотой.

Слѣдующіе на разстояніи полуверсты за этими „головными“ рабочими занимаются расширеніемъ туннеля, какъ показано на рисункѣ. Пробиваютъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга проходы кверху, затѣмъ въ обѣ стороны, впередъ и назадъ, пока обѣ такія камеры второго этажа не встрѣтятся. Отъ нижняго коридора онѣ отдѣлены каменной перегородкой, которую легко взрываютъ динамитомъ, какъ только работы во „второмъ этажѣ“ закончены. Далѣе за этими рабочими

слѣдуютъ уже тѣ, которые окончательно отдѣлываютъ стѣны и потолокъ туннеля.

Каждый день въ туннелѣ взрывали 160 минъ, заложенныхъ послѣ сверлильной машины, и 1.600 минъ для расшире-

Рисунокъ показываетъ, какъ производится расширеніе туннеля. Отъ первоначальной галереи пробиты проходы къверху, и въ верхней части ихъ пробиваютъ камеры, работая въ обѣ стороны.

нія туннеля. Всего для прорытія туннеля израсходовано около 3.700.000 фунтовъ (или 92.500 пудовъ) динамиту.

Доставка динамита въ туннель производилась со всевозможной предосторожностью. Его переносили на рукахъ, чтобы избѣжать опасной тряски при перевозкѣ на тачкахъ или въ рабочемъ поѣздѣ, который ходилъ въ отдѣленной части туннеля. Вереницей одинъ за другимъ идутъ рабочіе съ пачками динамита въ сопровожденіи синихъ фонарей, которые служатъ для всѣхъ встрѣчныхъ знакомъ, что несутъ динамитъ. Всѣ сторонятся, уступаютъ дорогу, очищаютъ путь, такъ какъ знаютъ, что малѣйшая неосторожность можетъ причинить огромное несчастье.

При постройкѣ туннеля самымъ труднымъ и важнымъ дѣломъ является устроить постоянный и достаточный притокъ свѣжаго воздуха на всемъ протяженіи, гдѣ производятся работы. Пока оба конца туннеля не встрѣтятся, работы происходятъ словно въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ только одинъ входъ,— онъ же и выходъ. Сотни рабочихъ, занятыхъ въ туннелѣ, узкомъ и тѣсномъ, скоро портятъ воздухъ своимъ дыханіемъ. Но еще больше портятъ воздухъ взрывы динамита. При каждомъ взрывѣ образуется огромное количество газовъ, такихъ,

которыми человек не только не может дышать ¹⁾, но вдыхание которых убивает человека. Поэтому при постройке туннеля приходится очень внимательно обдумать, как обеспечить на всем протяжении, до самого дальнего конца туннеля, приток чистого свежего воздуха. И при том этот приток чистого воздуха должен быть такой значительный и сильный, чтобы он успевал быстро и начисто выталкивать те ядовитые газы, которые образуются при взрывах минь. В такой огромный туннель, как Симплонский, нельзя было бы накачивать воздух через простую трубу, проложенную в том же коридоре, где производятся работы, где ходят рабочие поезда, где на узком пространстве, часто плечо к плечу, работает несколько сот человек.

Строитель туннеля, знаменитый инженер Брандау, придумал вести одновременно два туннеля. Так как железную

Лошадь-работница.

дорогу через туннель предполагали проложить в два пути, т.е. чтобы одновременно сквозь туннель могли идти в раз-

¹⁾ Как известно, при дыхании в легкие забирается с каждым вздохом некоторое количество свежего воздуха. Воздух состоит главным образом из двух газов—кислорода и азота. На 21 часть кислорода приходится 79 частей азота. Человеку при дыхании нужен кислород, который, соприкасаясь с кровью, очищает ее. Когда при взрыве образуется масса газов, то они вытесняют из коридора воздух, нужный человеку для дыхания.

ныхъ направленіяхъ два поѣзда, то, значить, туннель нужно было дѣлать очень широкимъ. вмѣсто этого Брандау предложилъ строить одновременно два туннеля: одинъ главный, основной, другой вдоль этого, параллельно, пока значительно меньшихъ размѣровъ. Этотъ второй туннель вели на разстояніи 17 метровъ отъ главнаго. Черезъ каждые 200 метровъ оба туннеля соединяли проходомъ между собою. Вотъ этотъ второй маленькій туннель и служилъ для того, чтобы черезъ него проводить свѣжій воздухъ. Огромными машинами, которыя вертѣли большіе вентиляторы ¹⁾, воздухъ по трубамъ гнался до этого маленькаго туннеля. По туннелю подъ давленіемъ новыхъ и новыхъ токовъ воздухъ прогонялся до самаго конца его, а черезъ боковыя двери, соединяющія туннели, чистый воздухъ наполнялъ и большой туннель, выпирая испорченный воздухъ назадъ къ выходному отверстию большого туннеля. Такимъ приспособленіемъ притокъ свѣжаго воздуха былъ вполне обезпеченъ. И умная находчивость Брандау обезпечила ему славу знаменитаго строителя туннелей.

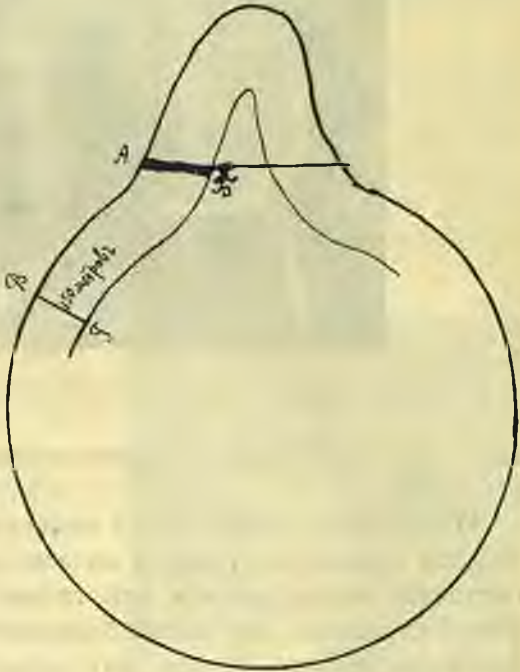
Кромѣ испорченнаго воздуха, другимъ страшнымъ врагомъ при глубокихъ подземныхъ постройкахъ является высокая температура. Давно было замѣчено, что по мѣрѣ того, какъ глубже и глубже проникаетъ подъ поверхность земли шахта, температура все повышается и повышается. Многочисленныя наблюденія дали возможность установить, что приблизительно на одинъ градусъ по термометру Цельсія (стоградусному) повышается температура съ углубленіемъ въ землю на каждыя 30 метровъ, т.-е. почти на 15 сажень. Опыты съ постройками туннелей показали, что повышение температуры наблюдается не только тогда, когда шахта идетъ вглубь, вертикально, къ центру земли, но также и тогда, когда она направлена горизонтально въ толщу горы. На рисункѣ показана въ упрощенномъ видѣ земля и гора на ней. Если прокопать въ землѣ вертикальную шахту В Г въ 150 метровъ глубиной, то температура на днѣ ея будетъ на 5 градусовъ больше, чѣмъ на

¹⁾ Вентиляторомъ называется колесо съ крыльями, поставленными косо, наподобіе крыльевъ вѣтряной мельницы. Если на такое колесо дуетъ вѣтеръ, то колесо начинаетъ вертѣться. Если же самое колесо вертѣтъ при помощи машины, то отъ крыльевъ колеса будетъ итти вѣтеръ, при этомъ вѣтеръ, т.-е. токъ воздуха, пойдетъ лишь съ одной стороны колеса, а съ другой воздухъ будетъ притягиваться къ себѣ колесомъ. Колесо всасываетъ воздухъ съ одной стороны и выдуваетъ съ другой.

поверхности земли. Если прокопать такую же шахту горизонтально въ гору А Б на 150 метровъ отъ склона горы, то температура также повысится въ концѣ шахты на 5 градусовъ.

Вотъ эта опасность высокой температуры, которую пришлось бы встрѣтить при пробитіи такого длиннаго и глубоко лежащаго подъ толщей горы туннеля, особенно пугала строителей.

Считаясь со всевозможными случайностями, принимая во вниманіе горную породу, изъ которой состоитъ гора Симплонъ, инженеры вычислили, что наибольшая температура должна быть 42 градуса. Это очень высокая температура. Воздухъ въ туннелѣ очень влажный, сырой, и для человѣка въ такой сырости считается безопасной температура никакъ не выше 30 градусовъ. Значитъ, нужно было найти способы понизить температуру на 12 градусовъ. Дѣйствительность, однако, оказалась еще болѣе жестокой. Температура въ

Туннель и шахта.

туннелѣ со стороны Италіи доходила до $46\frac{1}{2}$ градусовъ, а со стороны Швейцаріи даже до 54 градусовъ. Приходилось поэтому понижать температуру на цѣлыхъ 24 градуса и притомъ всегда, непрерывно, такъ какъ работы шли и днемъ и ночью.

Для такого пониженія температуры были построены особенныя машины, которыя накачивали холодную воду и подъ большимъ давленіемъ гнали ее въ туннель. Трубы пришлось очень основательно защитить отъ вліянія тепла, чтобы протекавшая по нимъ вода не нагрѣвалась тотчасъ же при входѣ въ туннель. Большею частью для этого обертывали трубы толстымъ слоемъ войлока. Войлокъ, какъ всякая шерсть, пухъ,

плохо пропускаетъ тепло. И потому трубы, закрытыя войлокомъ, защищались отъ того жара, который былъ въ туннелѣ. Особыя приспособленія (пульверизаторы) разбрасывали холодную воду мелкой пылью по туннелю. Можно себѣ предста-

Освѣженіе воздуха струей холодной воды.

вить, въ какой сырости приходилось постоянно находиться рабочимъ.

Однако не только вода отъ сверильной машины и пригоняемая для охлажденія туннеля дѣлали то, что по дну туннеля постоянно текли ручьи и всѣ стѣны его были мокрыя, нерѣдко случалось, что послѣ большого взрыва, которыми прокладывали дорогу впередъ, изъ разрушенныхъ скалъ вдругъ вырвался потокъ воды. Это значитъ, что натолкнулись на подземный источникъ, пробили его берега, въ которыхъ онъ до тѣхъ поръ мирно протекалъ въ горѣ. Рабочіе радовались, когда случалось, что этотъ подземный источникъ былъ холодный. Тогда они съ удовольствіемъ принимались за работу, чтобы отвести его воду по дну туннеля. Становилось сразу прохладнѣе и легче работать.

Плохо бывало, когда натыкались на источникъ горячей воды. Такіе источники текутъ изъ еще большихъ подземныхъ глубинъ, гдѣ они нагрѣлись до высокой температуры и, приближаясь къ поверхности земли, вода не успѣваетъ еще отдать по пути все тепло скаламъ, стѣнкамъ своего подземнаго ложа. Въ Симплонскомъ туннелѣ нѣсколько разъ натыкались

на такіе горячіе источники. Ихъ вода, вырывавшаяся изъ скалы, обжигала рабочихъ, а туннель скоро наполнялся паромъ, въ которомъ нельзя было ничего видѣть, нельзя было работать. Подъ дѣйствиємъ этого пара рабочіе, какъ въ банѣ, теряли силу и не могли оставаться въ туннелѣ. Съ великимъ трудомъ, часто съ потерей нѣсколькихъ дней и даже недѣль удавалось иногда заткнуть дыры въ скалѣ, отвести воду источника снова въ его подземный каналъ. Иногда сливали воду источника горячаго съ водой холоднаго и тѣмъ охлаждали, уменьшали приносимое тепло.

Съ сѣвернаго конца туннеля, со швейцарской стороны, наткнулись на разстояніи $10\frac{1}{3}$ километра отъ входа на такой источникъ, съ которымъ ничего не могли подѣлать. Онъ приносилъ такое огромное количество воды, что положительно грозилъ затопить весь туннель. Съ нимъ особенно трудно бороться было потому, что недалеко отъ этого мѣста туннель, который имѣлъ постоянный склонъ къ выходу, перевалилъ черезъ высшую точку и сталъ спускаться на итальянскую сторону. Туннель потому именно и не дѣлали совершенно прямымъ, а съ двумя скатами отъ середины на обѣ стороны, чтобы вода сверлильныхъ машинъ и подземныхъ источниковъ легко могла стекать по полу туннеля.

Со швейцарской стороны работы шли нѣсколько быстрѣе. Поэтому, когда перевалили черезъ высшую точку туннеля и стали спускаться на итальянскую сторону, то пришлось воду, накопившуюся на полу туннеля, выкачивать насосами, такъ какъ она не имѣла естественнаго стока.

Когда туннель провели на разстояніе $10\frac{1}{2}$ километра отъ сѣвернаго входа, то натолкнулись на источникъ, который грозилъ затопить всѣ работы. Съ большимъ трудомъ уда-

Источникъ воды, прорвавшійся въ туннель послѣ взрыва.

лось съ нимъ справляться нѣкоторое время. Но потомъ рѣшили, что работы придется прекратить въ этой части. А чтобы вода изъ этого источника не полилась по сѣверному склону туннеля, придумали закрыть часть туннеля толстыми, чрез-

Приходилось работать иногда по колѣно въ водѣ.

вычайно крѣпкими желѣзными воротами и такимъ образомъ запрудить воду. Это было необходимо потому, что въ это же время въ остальной части туннеля шла спѣшная работа. Расширяли коридоръ, окончательно отдѣлывали стѣны туннеля, потолокъ и полъ, прокладывали рельсы. Однимъ словомъ, приготавливали все, чтобы вскорѣ послѣ того, какъ оба коридора, южный и сѣверный, сомкнутся, можно было начать по туннелю движеніе поѣздовъ.

Послѣ многихъ усилій удалось закрыть источникъ желѣзной дверью, и вода стала за нею накапливаться до тѣхъ поръ, пока съ итальянской стороны коридоръ не довели до того же мѣста, къ которому подошелъ сѣверный коридоръ. Строители и рабочіе были очень огорчены этой необходимостью поставить желѣзную заслонку. Радость, когда оба конца туннеля сомкнутся, не могла быть полной. Нельзя было, какъ при прорытіи С.-Готардскаго туннеля, послѣ послѣдняго взрыва протянуть въ образовавшееся отверстіе руки и первымъ пожатіемъ привѣтствовать окончаніе труднаго огромнаго дѣла. Теперь работавшіе съ итальянской стороны знали, что съ послѣднимъ взрывомъ, который соединитъ оба конца туннеля, на нихъ хлынетъ потокъ горячей воды.

Но въ дѣйствительности оказалось даже хуже. Въ мѣстѣ съ горячей водой вырвались къ работавшимъ струи ядовитыхъ удушающихъ газовъ, которые не могли быть сразу разсѣяны притокомъ свѣжаго воздуха, приносимаго вентиля-

железными воротами и такимъ образомъ запрудить воду. Это было необходимо потому, что въ это же время въ остальной части туннеля шла спѣшная работа. Расширяли коридоръ, окончательно отдѣлывали стѣны туннеля, потолокъ и полъ, прокладывали рельсы. Однимъ словомъ, приготавливали все,

торами. И радость сомкнутия туннеля омрачилась смертью двухъ молодыхъ инженеровъ, которые задохнулись въ этихъ горячихъ и ядовитыхъ газахъ.

Соединеніе обоихъ концовъ туннеля произошло 24 февраля 1905 года въ 7 час. 20 мин. утра. Такимъ образомъ на пробитіе всего туннеля было потрачено 2.392 дня, т.е. каждый день въ среднемъ работа двигалась на 8,35 метра. Соединеніе обоихъ концовъ туннеля закончило одну часть работы. Теперь оставалась окончательная отдѣлка туннеля, которая быстро пошла впередъ. Въмѣстѣ съ уменьшеніемъ размѣра работъ постепенно стали пустѣть, расползаться въ разныя стороны жители тѣхъ двухъ городковъ, которые выросли у концовъ туннеля, въ Бригѣ, въ Швейцаріи, и въ Изелле, въ Италіи. Ихъ населеніе достигало 5.000 человекъ. Можно представить, какое оживленіе царило въ этихъ временныхъ городкахъ. Понаѣхало много торговцевъ, были выстроены временные дома, рестораны. Строительная компанія, которая вела работы пробитія туннеля, проявила значительныя заботы о рабочихъ. Были выстроены спеціальныя дома, въ которыхъ по дешевой цѣнѣ сдавались комнаты для одиночекъ и небольшія квартиры

Укрѣпленіе сводовъ туннелѣ.

для семейныхъ рабочихъ съ хорошимъ и дешевымъ пропитаніемъ. Это были настоящіе города со своими особыми больницами, со школами для дѣтей рабочихъ, съ библиотеками.

Большое вниманіе было удѣлено заботѣ о томъ, чтобы

устроить здоровѣе весь обиходъ жизни. Особенное вниманіе обращали на себя спеціальныя огромныя сушилки, которыя были устроены возлѣ входовъ въ туннель. Какъ я уже говорилъ, работать въ туннелѣ приходилось все время въ страшной сырости, часто прямо въ водѣ и при очень высокой температурѣ, какъ въ банѣ. Чтобы обезопасить рабочихъ отъ простуды, и были устроены сушилки. Изъ туннеля рабочіе прямо въ поѣздѣ, не выходя изъ вагоновъ, вѣвжали въ огромную сушилку, гдѣ всегда поддерживалась высокая температура, чтобы не было большой разницы съ температурой въ туннелѣ. Въ сушилкѣ рабочій бралъ душъ, отмывался и одѣвалъ сухое платье. Только послѣ этого онъ выходилъ на свѣжій воздухъ. Мокрое платье оставалось сохнуть, и когда рабочему снова нужно было отправляться на работу, онъ переодѣвался опять въ совершенно сухую одежду.

Всевозможныя предосторожности были приняты также при самихъ работахъ, чтобы избѣжать несчастій. Совсѣмъ избѣжать ихъ не удалось. Какъ я говорилъ, Симплонскій туннель стоилъ 60 человѣческихъ жизней, т.-е. въ битвѣ съ горой погибало на каждомъ километрѣ 3 человѣка. Въ сравненіи съ первымъ швейцарскимъ туннелемъ, который строился 50 лѣтъ тому назадъ, это очень малочисленныя жертвы. Тогда на каждомъ километрѣ погибало 30 человѣкъ. При пробитіи Симплонскаго туннеля главная часть несчастій произошла отъ обрушившихся непредвидѣнно скаль и отъ попаданія вслѣдствіе тѣсноты подъ вагоны рабочаго поѣзда. Взрывы минъ причинили всего 5 смертей.

Такова была работа, которая цѣною огромныхъ усилій и десятковъ преждевременныхъ смертей дала людямъ новую побѣду надъ грознымъ Симплономъ.

IV.

Начало нашего XX столѣтія среди многихъ другихъ замѣчательныхъ изобрѣтеній отмѣчено тѣмъ, что осуществилась давнишняя мечта человѣка, удалось придумать такія крылья, которыя подняли человѣка на воздухъ, которыя несутъ его въ любомъ направленіи. Эти крылья называются аэропланомъ. Пользоваться аэропланомъ еще очень сложно, еще много тре-

буется искусства, ловкости, умѣнья ¹⁾). Но съ каждымъ днемъ новыя и новыя усовершенствованія дѣлаютъ его проще и проще, открываютъ все большій просторъ человѣку. Давно ли, всего въ 1904 году, первыя попытки, когда удавалось пролетѣть нѣсколько сотъ саженъ, казались поразительными. А теперь на аэропланѣ пролетаютъ сотни верстъ и поднимаются въ воздухъ на высоту 2—3 верстъ. Для искусныхъ опытныхъ людей аэропланъ уже теперь можетъ служить средствомъ передвиженія. И какимъ! Никакихъ преградъ, никакихъ помѣхъ на пути! Всѣ онѣ остаются внизу, подъ ногами воздухоплателя. Однако за эти попытки оставлять внизу подъ ногами всѣ препятствія многіе воздухоплатели заплатились и жизнью. Аэропланъ—машина хрупкая, не всегда слушается, какъ слѣдуетъ, руля, иногда и совсѣмъ неизвѣстная причина приводитъ къ катастрофѣ, къ гибели. Но при поломкѣ машины или винта иной разъ удается спуститься благополучно .такъ называемымъ планирующимъ спускомъ, то-есть какъ бы соскальзывая поддерживаемыми поверхностями аэроплана по воздуху внизъ. Понятно, что такимъ образомъ спускаться приходится уже не туда, куда хочетъ авіаторъ, а куда его случай спуститься принудить. Въ равнинныхъ мѣстахъ такой спускъ не опасенъ. Иное дѣло горы со своими скалами, утесами, пропастями. Если аэропланъ откажется служить, пролетая надъ такой мѣстностью, то для воздухоплателя вѣрная гибель.

И однако нѣтъ предѣловъ риска, на который бы не пошелъ человѣкъ въ попыткахъ добиться своего. И человѣкъ добился.

Гору Симплонъ, неприступную раньше, уже двумя путями пересѣкли люди, проѣзжей дорогой и туннелемъ. Новымъ путемъ—по воздуху—попытались пересѣчь ее теперь. И этотъ третій путь былъ сопряженъ съ опасностями и рискомъ не меньшими, чѣмъ два первые пути.

Въ сентябрѣ 1910 года должны были состояться состязанія воздухоплателей, которые пожелали бы летѣть черезъ Симплонъ. Задача была поставлена такая. Изъ швейцарскаго городка Брига подняться, перелетѣть черезъ Симплонъ и спуститься въ итальянскомъ городѣ Миланѣ. Тотъ, кому удастся этотъ перелетъ, получить большой призъ—30.000 рублей. Сна-

¹⁾ Объ устройствѣ аэроплана и полетахъ на немъ рассказано въ статьѣ „Человѣкъ-птица“. См. „Маякъ“, 1910 годъ.

чала заявилось нѣсколько воздухоплателей, которые хотѣли попытать счастья. Но съѣздивъ на Симплонскій перевалъ, увидавъ, среди какихъ скалъ, пропастей и шумящихъ потоковъ вьется почтовая дорога, замѣтивъ, что вѣтеръ крутитъ въ этихъ ущельяхъ и трудно будетъ къ нему примѣниться,—воздухоплатели одинъ за другимъ отказались отъ мысли о полетѣ. Остались только два, которые еще упорствовали, Шавэ и Вейманъ. Они основательно изучали мѣстность, слѣдили за направлениемъ и изменениемъ вѣтровъ, дѣлали пробные полеты. Однажды Шавэ совсѣмъ было рѣшился летѣть черезъ Симплонъ. Быстро поднялся его аэропланъ въ голубое небо и скоро скрылся изъ глазъ зрителей за поворотомъ горы. Въ толпѣ было большое волнение.

Шавэ.

Многіе ждали уже извѣстій о томъ, что Шавэ перелетѣлъ черезъ Симплонъ. Но вмѣсто телефонныхъ извѣстій вскорѣ появился изъ-за горы аэропланъ Шавэ. Когда воздухоплатель спустился, его обступили съ разспросами, почему онъ

вернулся. Онъ былъ блѣденъ, дрожаль отъ волненія и холода. А на разспросы отвѣтилъ: „Только сама смерть можетъ быть побѣдительною въ этомъ предпріятіи“. Потомъ, когда онъ пришелъ въ себя совсѣмъ, онъ рассказалъ, какое мрачное, грозное и попросту страшное впечатлѣніе произвели на него эти неприступныя горы. Повсюду

Шавэ готовится къ полету черезъ Симплонъ.

острыя скалы, повсюду пропасти и пѣняшіеся потоки. Случись что-нибудь съ аэропланомъ, нѣтъ никакой надежды спу-

ститься на землю. Земля какъ будто оцетинилась острыми иглами на смѣлаго воздухоплавателя,—перваго человѣка, который парилъ въ воздухѣ, до сихъ поръ доступномъ только птицамъ да тучамъ.

Однако первое впечатлѣніе скоро прошло, и Шавэ готовился уже къ новому полету. Если бы не эти ужасныя горы съ разверзстыми пропастями, съ рѣзкими неожиданными порывами вѣтра, который какъ будто нарочно старается опрокинуть воздухоплавателя, то всѣ остальные условія полета

Шавэ перелетаетъ черезъ Симплонскій переваль.

были бы сносны. Нужно было подняться на высоту 2100 метровъ, чтобы перелетѣть черезъ гору, и пролетѣть 150 километровъ, чтобы достигнуть Милана. Шавэ поднимался раньше на высоту еще большую, но то было надъ равниной. Подъ его ногами не зіяло самое страшное изъ Симплонскихъ ущелій—Гондо.

Въ пятницу, 23-го сентября, послѣ полудня при ясной погодѣ поднялся Шавэ на своей машинѣ, большими кругами словно ввинчиваясь въ небо. Нужно было достигнуть высоты 2000 метровъ, чтобы потомъ пуститься черезъ горы. Десятки авто-

мобилей помчались по Симплонской дорогѣ на переваль, чтобы видѣть, какъ будетъ миновать воздухоплаватель опасныя мѣста. Надъ самой высшей точкой перевала Шавэ пролетѣлъ очень низко, всего пятьдесятъ сажень раздѣляло его отъ сотенъ людей, которые собрались здѣсь и посылали ему свои привѣтствія. Едва ли только слыхалъ ихъ Шавэ. Онъ напряженно всматривался вдаль.

Шавэ, перелетѣвъ Симплонъ, приближается къ мѣстечку Домодоссолоа.

Невозможное свершилось. Шавэ миновалъ уже горы. Все дальше и дальше отступаютъ онѣ назадъ, а подъ нимъ разступается широкая долина, въ которой расположилось итальянское мѣстечко Домодоссолоа. Здѣсь онъ хотѣлъ спуститься, чтобы забрать бензина, котораго не хватало ему для мотора, а потомъ летѣть въ Миланъ. И здѣсь случилось совсѣмъ неожиданное, совсѣмъ непредвидѣнное несчастье. Уже почти на землѣ, въ разстояннн отъ нея всего 3—4 сажень, аэропланъ вдругъ круто дернулся въ сторону и упалъ, придавивъ возду-

хоплателя. Ожидавшіе перелета зрители бросились къ Шавэ. Онъ былъ страшно потрясенъ, а при паденіи оказались сломанными обѣ ноги. Кто-то ободрялъ его, совѣтуя мужаться. Шавэ отвѣтилъ: „Я бодръ, но перелетъ былъ ужасенъ!“ Смѣлаго воздухоплателя перенесли въ госпиталь. Нѣсколько дней шла борьба его организма со смертью, но смерть одолѣла. 27-го сентября въ 3 часа дня Шавэ умеръ.

Странная случайность, но его слова, сказанныя послѣ первой попытки, оправдались на его собственной судьбѣ.

Жителямъ равнинъ, не видавшимъ горъ, не знающимъ, какія это страшныя чудовища, враждебныя человѣку, трудно понять тотъ восторгъ, благоговѣйное почитаніе, преклоненіе, которыми былъ окруженъ Шавэ, пока лежалъ въ больницѣ въ Домодоссолѣ. Трудно понять и ту торжественную, захватывающую всѣхъ скорбь, которой была объята процессія, когда тѣло Шавэ переносили изъ больницы. Собрались огромныя тысячныя толпы изъ окрестностей. Крестьяне, пастухи, дѣти и старики, богатые и бѣдные шли въ Домодоссолу. Зачѣмъ они шли? Здѣсь не было никакого интереснаго зрѣлища, не было ничего любопытнаго. Нѣтъ, ихъ всѣхъ привлекалъ сюда восторгъ передъ смѣлымъ поступкомъ этого незнакомаго имъ человѣка.

„Мы знаемъ наши горы, знаемъ ихъ сами, знаемъ отъ отцовъ и дѣдовъ. На этихъ страшныхъ утесахъ и въ этихъ пропастяхъ многіе нашли себѣ смерть, охотники и пастухи. И вотъ явился человѣкъ, который перелетѣлъ всѣ эти опасности, всѣ ихъ оставилъ подъ собою“.

Пришелъ пастухъ, спустившійся съ высокихъ пастбищъ, и принесъ свѣжихъ эдельвейсовъ. Съ опасностью жизни нарвалъ онъ ихъ, чтобы возложить этотъ невидный, но большой даръ на гробъ понятнаго ему героя.

Пришла старуха, у которой два сына-охотника погибли въ горахъ. Она собирала хворостъ, когда услышала надъ собой шумъ аэроплана Шавэ. „Я думала, что это вѣстникъ съ неба отъ моихъ сыновей. Я узнала теперь, что это человѣкъ, который побѣдилъ наши горы, и пришла поклониться ему“.

Приходили десятки и сотни горныхъ жителей, и всѣ несли свое великое удивленіе передъ поступкомъ Шавэ.

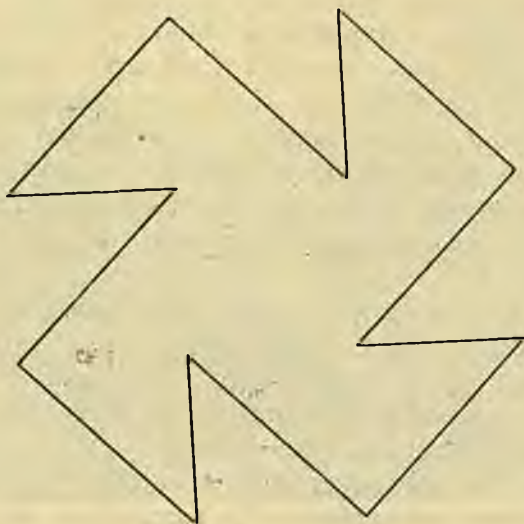
Случайность повлекла за собой смерть Шавэ. Но Симплонъ

онъ все-таки побѣдилъ. Онъ открылъ черезъ него третій путь, самый свободный изъ всѣхъ, такъ какъ не надо для него прокладывать дорогъ, не надо въ теченіе долгихъ лѣтъ сверлить гору.

Правда, этотъ третій путь пройденъ пока только однимъ. Но начало—половина дѣла.

Такова исторія трехъ путей черезъ грозныя горы.

Н. Ульяновъ.

Задача № 1.

Нужно эту фигуру четырьмя линиями разрѣзать на 5 частей такъ, чтобъ изъ нихъ можно было составить квадратъ.

Лѣсъ въ Канадѣ.

Машка=Домашка.

Повѣсть.

(Продолженіе.)

ХІХ.

Еврейчикъ сказалъ, что имъ придется ѣхать въ поѣздѣ больше четырехъ сутокъ. Подаркины постарались поудобнѣе размѣститься на такой далекой путь и, когда поѣздъ пошелъ, стали глядѣть въ окна, какія тутъ пойдутъ мѣста. Сначала мѣста были очень заселенныя, мелькали городки, фабрики, заводы, усадьбы, села, опять заводы. Росли лѣса, сады. Мѣста были красивыя, богатыя, хлѣбныя, потомъ пошло каменистое мѣсто. Возвышались холмы, торчали голыя скалы, ущелья; не было ни посѣвовъ, ни травы. Поѣздъ днемъ вскакивалъ въ такія мѣста, гдѣ было темно какъ въ погребѣ, и въ вагонахъ сейчасъ же зажигался огонь. Потомъ поѣздъ летѣлъ по берегамъ не то моря, не то большого озера. Проѣхали одно,—началось другое.

Когда озера прошли, начались совсѣмъ новыя мѣста. По обѣимъ сторонамъ рѣже были селенья и чаще встрѣчались лѣса.

Лѣса были богатые, съ высокими, толстыми деревьями. Между лѣсами перемежались поля, но далеко не похожія на русскія. Не было ни узкихъ полосъ, ни кустарника, ни кочекъ, ни бугровъ. Все было старательно раздѣлано.

Мѣстами шла пашня, пахали на двухъ, на трехъ лошадахъ, и плуга были большіе желѣзные, съ колесами. Въ другихъ мѣстахъ молотили. Молотили прямо въ полѣ; стояла машина съ трубой, къ ней подвозили съ поля снопы и тутъ же пускали въ машину, тутъ же складывали ометъ.

Деревень не было, жили все больше однодворцами. Дворы были огорожены низкими заборами, за заборами стояли постройки. Вдвигались высокіе ометы соломы и стога сѣна. По дворамъ ходили лошади, быки. Иногда скотъ пасся за чертой дворовъ. Дома были не похожи одинъ на другой. Были низенькія хижинки, срубленные въ лапку, безъ угловъ, другія смазаны изъ глины. Вслѣдъ за этимъ попадались высокіе двухэтажные съ коньками, и надворныя постройки были всякаго типа. Въ поселкахъ красовались дома съ палисадниками, съ балконами, возвышались островерхія колокольни.

Часто вмѣсто домовъ стояли кучи палатокъ; въ этихъ палаткахъ жили индѣйцы, и назывались эти палатки „вигвамы“. Зелень по случаю осени была блеклая, луга желтые, но необычайной толщины деревья въ лѣсу, крупные листья, густая отава, а также темнозеленая озимъ указывали, какая тутъ жирная, богатая земля.

Пахота коннымъ плугомъ въ Канадѣ.

Машка думала, гдѣ они будутъ жить, и загадывала, какое у нихъ будетъ мѣсто. То ей представлялось, что они будутъ жить какъ у нихъ въ деревнѣ: гладкое мѣсто съ небольшимъ скатомъ, въ концѣ ската рѣчка, а за рѣчкой лѣсъ, она съ Семкой будетъ ходить туда по грибы и

ягоды. Вдругъ Машкѣ представилось, что въ лѣсу живутъ какіе-нибудь звѣри. Тогда Машкѣ хотѣлось, чтобы лѣса не было, а было бы одно поле широкое, чистое и, какъ далеко отъ дома ни уйдешь, все тебя видно.

А поѣздъ несся какъ бѣшеный уже третій день, останавливался на минуту на станціяхъ и опять летѣлъ. Кругомъ ихъ сидѣли все чужіе люди. Было много, что пріѣхали съ ними на пароходѣ, были и новые. Всѣ говорили на не-

Индѣйскіе вигвамы.

понятномъ языкѣ, курили трубки, жевали что-то какъ прислужники на пароходѣ. Машкѣ сказали, что они жуютъ табакъ, и она подумала, какъ имъ не противно. Пили и ѣли Подаркины все время въ вагонѣ. То, что они купили съ еврейчикомъ, имъ не хватило, и на большихъ станціяхъ отецъ выходилъ изъ вагона прикупить чего было нужно.

Машка тоже шла за нимъ и глядѣла, какъ отецъ торговался. Отецъ бралъ что-нибудь въ руку—хлѣбъ или рыбку, или яблоко, показывалъ торговцу и что-то мычалъ. Торговецъ что-то бормоталъ на это, и отецъ подавалъ ему всегда серебряную монету. Торговецъ давалъ ему сдачу. Одинъ разъ отецъ, не дождавшись всей сдачи, пошелъ отъ прилавка. Торговецъ закричалъ ему: „сэръ!“ „сэръ!“ Отецъ не понялъ и не оглянулся. Тогда торговецъ выскочилъ изъ-за прилавка, догналъ его, взялъ его за плечо и сунулъ въ руку деньги. Отецъ тогда понялъ, улыбнулся, кивнулъ головой и съ улыбкой на лицѣ дошелъ до вагона. Въ вагонѣ онъ только сѣлъ, какъ сказалъ матери:

— Вотъ народъ! Самъ лишекъ принесъ. Я думалъ, что онъ все мнѣ сдалъ, а вышло не все, и онъ побѣжалъ за мной.

Онъ улыбался, вздыхалъ и все качалъ головой, потомъ опять проговорилъ:

— Съ этимъ народомъ можно дѣла дѣлать.

XX.

Наступилъ пятый день, какъ они ѣхали въ поѣздѣ. Машка хоть и спала долго, всю ночь, но проснулась усталая. Отъ жесткой явки и постоянной тряски у нея ныли бока, а отъ быстрого мельканія въ окнахъ кружилась голова. Было свѣтло ужъ. Поѣздъ летѣлъ по обыкновенію во весь духъ, но въ окна глядѣли опять другія картины. Лѣса попадалось болѣе и хутора шли рѣже. И постройки на хуторахъ были проще,— гдѣ хижинки, гдѣ землянки, и распаханной земли было уже не такъ много. Индѣйскіе „вигвамы“ встрѣчались чаще. Отецъ внимательно глядѣлъ въ окно, а мать прислонилась къ стѣнкѣ и что-то думала.

— Выспалась?—спросилъ отецъ.—Скоро пріѣдемъ.

Машка ничего не сказала. Отецъ продолжалъ:

— Пріѣдемъ на новое мѣсто, спать будемъ на постели, будить тебя долго не будемъ, отсыпайся цѣлую зиму.

Матери, должно быть, не понравились новыя мѣста, или устала она очень,—она стала опять угрюмая, какъ на пароходѣ.

— Еще будетъ ли гдѣ спать-то?—сердито проговорила она.

— Будетъ. Избы не будетъ, землянку выкопаемъ.

— А отъ землянки до могилы не далеко.

— Что жъ могила,—могилы никто не минуетъ. Придетъ время—и въ могилу переселимся.

— Скорѣ бы одинъ конецъ.

— Безо время объ этомъ говорить ничего, а нужно о другомъ думать.

— Вздумается тутъ о другомъ.

— Въ руки себя возьмешь, вздумается. Мы не одни; у насъ дѣти. Нужно готовить имъ что-нибудь.

Мать замолчала. Отецъ опять сталъ глядѣть въ окно.

День былъ сѣрый, какіе бывали осенью и у нихъ. По небу неслись низкія облака, дулъ вѣтеръ, и на улицѣ, должно быть,

было холодно. Люди, что попадались имъ на глаза около линіи, жались и кутались.

Поѣздъ пролетѣлъ двѣ небольшія станціи и подходилъ къ третьей. Раздался свистокъ, и ходъ его замедлился. Машка прилипла къ окну. Вдали показались строенія, мелькнули двѣ трубы. Около новыхъ домовъ были разбиты садики, но деревца были еще не велики. Знать, сады недавно были разбиты.

Отецъ всталъ и оглянулся кругомъ.

— Должно, скоро намъ слѣзать,—сказалъ онъ.

— Надо будить Семку,—вымолвила Татьяна и стала тормошить мальчика.

Семка поднялъ голову, мать быстро накинула ему одежку и провела рукой по лицу, чтобы протереть глаза.

Отецъ стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Поѣздъ остановился. Кое-кто изъ другихъ отдѣленій стали вставать. Въ вагонъ вошелъ бритый человекъ въ синей одежинѣ, со свѣтлыми пуговицами и, остановившись около Подаркиныхъ, сказалъ:

— Эррайвъ!

Михайло знаками сталъ спрашивать: выходитъ имъ, что ли?

— Эсь, эррайвъ!—кивнувъ головой, сказалъ опять кондукторъ.

Подаркины заторопились, собирая вещи, и пошли къ выходу. Отецъ первый вышелъ изъ вагона, взялъ у матери Семку и потомъ узлы и мѣшокъ, ссадилъ Машку, и только они вышли, поѣздъ опять полетѣлъ.

Машка оглянулась. Съ одной стороны линіи несли выброшенный ихъ багажъ и другое добро, которое было не съ ними, а съ другой—къ нимъ подходилъ мужчина въ кожаной одежинѣ подъ пальто, въ такомъ же картузѣ, какъ у другихъ американцевъ, но съ бородой. Онъ подошелъ къ отцу и, улыбаясь, проговорилъ по-русски:

— Неужели это ты, Миша?

Машка взглянула на отца и увидала, какъ у него блеснули глаза. Онъ пристально взглянулъ на подошедшаго, снялъ шапку, протянулъ къ нему правую руку, обнялъ его за шею, и они поцѣловались. Потомъ подошедшій поцѣловался съ матерью, съ Машкой и хотѣлъ было чмокнуть Семку, но Семка заупрямился и поворотился къ нему затылкомъ. Всѣ засмѣялись. Машка догадалась, что это и есть Матвѣй Гаврилычъ, что зазвалъ ихъ сюда письмами.

— Ну, слава Богу, что пріѣхали! Я такъ радъ, такъ радъ!— говорилъ весело Матвѣй Гаврилычъ, и у него смѣялись глаза, щеки, носъ.— По добру, по здорову доѣхали?

— Всего было,—сказалъ Михайло и махнулъ рукой.

— Что жъ подѣлаешь, за такой путь и всего можно хлебнуть. Большой бѣды не случилось?

— Богъ миловалъ.

— Ну и слава Богу! А еще что есть у васъ?

— Вонъ два тюка,—показалъ отецъ.

— Такъ давай билетъ, мы ихъ сейчасъ получимъ. Вотъ хорошо, что вы пріѣхали-то! Очень хорошо! Я и сказать вамъ не могу, какъ хорошо.

Онъ обращался то къ отцу, то къ матери, то кивалъ Машкѣ съ Семкой.

— Ну, вы проходите вонъ туда и садитесь,—сказалъ Матвѣй Гаврилычъ матери,—а мы возьмемъ багажъ—да на фургонъ, потомъ придемъ за вами и поѣдемъ. Какъ моя жинка будетъ рада! У меня не жена, а жинка, потому что хохлушка. И дочка есть, вотъ ей ровесница,—указалъ онъ на Машку—и сынокъ такой же.

Мужики ушли. Мать прошла съ ребятишками впередъ и сѣла на лавку. На платформѣ было холодно, но въ станціи топилась желѣзная печка, волновался дымъ отъ трубокъ людей—это грѣлись у печки. Стоялъ такой запахъ, какого Машка никогда не слыхала. Машка прижалась къ матери и спросила:

— Мама, этотъ твой крестовый братъ-то?

— Этотъ.

— Я думала, онъ не такой.

— А какой же?

— Я думала, онъ какъ тятка.

— Онъ былъ какъ тятка, да вотъ чужая сторона измѣнила.

Оба мужика вернулись ужъ въ другую дверь. Они взяли узлы, и Матвѣй Гаврилычъ, попрежнему смѣясь, проговорилъ:

— Ну, вставайте да поѣдьте. То ѣхали въ вагонъ, а теперь поѣдемъ на фургонъ. Только кутайтесь хорошенько, какъ бы не прозобило.

XXI.

Фургонъ былъ на желѣзномъ ходу. Въ него была впряжена пара лошадей безъ дуги. Машка первый разъ ѣхала на такой запряжкѣ. Все ихъ добро помѣстилось на фургонѣ, и они сами сидѣли удобно, мягко и просторно. Матвѣй Гаврилычъ не могъ ни на кого безъ улыбки взглянуть и все старался развеселить мать.

— Ну, знаете, гдѣ вы теперь находитесь? На другомъ концѣ свѣта. Теперь небось у насъ спячь, какъ ни попада

Машиной хлѣбъ косится, обмолачивается и всыпается зерно въ мѣшки; завязанные мѣшки увозятся на фугонахъ.

пѣтухи скоро запоютъ, а здѣсь только полдень. А когда здѣсь ночь наступаетъ, тамъ всходитъ солнце.

— Видимъ, что далеко заѣхали.

— Далеко, а не долго. А что бы, если бы машинъ да пароходовъ не было, какъ бы сюда добраться? Машины великое дѣло! Американцы ихъ очень любятъ, здѣсь все работается машинами: пашутъ машинами, сѣютъ машинами, жнутъ и молотятъ машинами.

— И у тебя машины есть?

— Я еще не всѣмъ обзавелся, но скоро и у меня будутъ. Сейчасъ есть хорошій плугъ, желѣзныя бороны, косилка, а молотить нанимаю. Есть тутъ, что разѣзжаютъ по фермамъ, я ихъ и останавливаю.

— У тебя своя ферма?

— Не своя, а тестева, только тесть передалъ ее мнѣ. Онъ выселился сюда изъ Харьковской губерніи съ двумя дочками: одну выдалъ замужъ за торговца одного, а къ другой принялъ меня.

— И сейчасъ живъ тесть?

— Живъ, только ужъ ни въ какія дѣла не входитъ. Онъ завелъ себѣ пчельникъ, пчелами и занимается, а земельное хозяйство все передалъ намъ.

— Какъ это тебя Богъ нанесъ на такихъ людей? — спросила Татьяна.

Матвѣй Гаврилычъ разсказалъ, что онъ зашелъ съ артелью работать въ Одессу, а когда плотничьи работы кончились, онъ поступилъ на пароходъ. На пароходѣ онъ сошелся съ матросами, которые ѣздили по всему свѣту и очень расхваливали житье въ Канадѣ. Онъ тогда и рѣшилъ попытать счастье. Когда онъ пріѣхалъ въ Канаду, то годъ работалъ плотникомъ въ одномъ городѣ, потомъ поѣхалъ сюда искать ферму, поступилъ работникомъ къ хохлу, а черезъ годъ женился на его дочери.

— Что жъ тебя не тянетъ на родную сторону? — спросилъ Михайло.

— Теперь у меня это своя сторона, — сказалъ Матвѣй Гаврилычъ и улыбнулся.

Потомъ Матвѣй Гаврилычъ началъ разсказывать, какъ здѣсь можно взять участокъ. Неподалеку отъ нихъ есть нѣсколько свободныхъ, изъ нихъ можно выбрать любой и записать. Матвѣй Гаврилычъ такъ хорошо расписывалъ про здѣшнюю жизнь, что мать немного развеселилась и глядѣла спокойнѣе.

Лошади бѣжали быстро. Дорога была гладкая, безъ выбоинъ. Вотъ подошелъ небольшой огорокъ, на которомъ стоялъ бѣлый домъ, крытый черепицей, съ трубами, балконами по бокамъ и палисадникомъ кругомъ. Матвѣй Гаврилычъ сказалъ, что здѣсь живетъ скотоводъ, который раститъ и продаетъ быковъ и коровъ. Дѣйствительно, за домомъ тянулся длинный скотный дворъ, а за скотнымъ паслось стадо. Потомъ одинъ за другимъ попались три хутора.

— Вотъ такъ и мы живемъ, — сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

— А съ вами кто?

— Англичане. Одинъ еще раньше тестя взялъ участокъ, а другой послѣ.

— Не тѣсно вамъ?

— Куда тѣсно... Просторно и удобно. Что понадобится въ городѣ, ѣдетъ кто-нибудь и всѣмъ везетъ. Опять, помѣняться чѣмъ, у одного плугъ свободенъ, у другого борона.

— А не чураются они?

— Нѣтъ, народъ уживчивый. Опять, ребятишки—моя дѣвочка съ ними въ школу ходить.

— А какъ они говорятъ?

— Говорятъ по-аглицки. Тутъ всѣ по-аглицки говорятъ, и вы выучитесь.

— Гдѣ ужъ намъ,—вздыхнувъ, проговорила Татьяна.

На фермѣ, въ Канадѣ.

— Вотъ поглядите, какъ незамѣтно и будете говорить.

Лошади подъ гору побѣжали еще быстрѣй, и они скоро подѣхали къ низенькимъ воротамъ хутора, огороженного плетенымъ заборомъ. Заборъ обнималъ мѣста десятины двѣ. Занимъ стоялъ домъ, сарай, амбарушка. Желтѣли ометы крупной соломы. Посреди двора ходило множество птицы: гусей, утокъ и куръ и два поросенка. Матвѣй Гаврилычъ быстро соскочилъ съ подводы, отворилъ ворота и ввелъ лошадей во дворъ. Лошади подошли къ крыльцу и остановились. На крыльцо вышла высокая женщина съ овальнымъ лицомъ, въ вязаной корсеткѣ и шерстяной юбкѣ и дѣвочка, очень похожая на нее, съ гладко причесанной головой и длинной косой съ широкой лентой. Женщина улыбнулась и проговорила:

— О тожь моего человека земляки, ну, здравствуйте!

— Здравствуйте!—сказалъ Михайло, первымъ соскочилъ съ фургона, снялъ картузь и подошелъ къ женщинѣ.—Здравствуйте, а звать не знаю какъ.

— Олёна Григорьевна, моя жинка,—смѣясь, сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

— Здравствуйте, Олёна Григорьевна, привѣчайте насъ, дальнихъ странниковъ.

— Просимъ милости! Слѣзайте съ фургона,—обратилась она къ Татьянѣ съ дѣтьми,—да ходимъ до хаты. Небось зазябли.

Она взяла у Татьяны Семку. Татьяна слѣзла, за нею Машка. Онѣ, пожимаясь, топтались у фургона.

— Ходимте! Чего тутъ дивиться, они уже слѣлають.

Татьяна, неся на рукахъ Семку, пошла за Олёной Григорьевной. Машка ступала робко, держась за материну юбку. Сначала онѣ вошли въ сѣни, потомъ была дверь въ горницу. Горница была свѣтлая, просторная, съ печью, тепло натопленная. Но Олёна Григорьевна не остановилась въ ней, а провела проѣзжихъ дальше. Другая комната была еще просторнѣй. Въ ней была перегородка, стоялъ большой столъ, стулья, комодъ. Машка вспомнила, что у нихъ въ деревнѣ въ родѣ этого было только у попа. На широкой легкой скамейкѣ со спинкой сидѣлъ старикъ въ бумазейной рубахѣ, ватной жилеткѣ съ сѣдыми усами и держалъ на рукахъ мальчика въ родѣ Семки.

— Здорово живете!—робко проговорила Татьяна.

— Здравствуйте вамъ!—отвѣтилъ старикъ и всталъ со скамейки.—Добренько приѣхали?

— Скидайте жъ вашу свиту,—сказала Олёна Григорьевна и стала помогать Татьянѣ раздѣваться.

Татьянѣ и Машкѣ стало пріятно и тепло отъ ласки. Онѣ легко раздѣлись и почувствовали, что онѣ точно свалили съ себя тяжелую ношу.

— Якъ же вы доіхали? Не важно вамъ було?—спросилъ старикъ.

Татьяна стала рассказывать, сколько они муки видѣли, какъ ѣхали, а Олёна Григорьевна незамѣтно вернулась въ первую половину. Тамъ затрещали дрова подъ плитой, на плиту была поставлена большая кастрюля. Дѣвочка подошла къ Машкѣ и спросила:

— Какъ имя ты?

Машкѣ показалось чудно, какъ говорить дѣвочка, но она поняла, что она спрашивала, и сказала.

— А я Настя. Мнѣ восемь роківъ. Я учусь въ англишъ скулъ.

— У школъ, а не скулъ,—поправила Настю изъ-за дверей Олёна Григорьевна.

Настя стала спрашивать, какъ живутъ у нихъ въ Россіи, что тамъ хорошаго. Машка стала рассказывать. Потомъ Настя стала говорить про свою жизнь. Она сказала про сосѣдей, у которыхъ были ей ровесницы—Эмма и Мэри, онѣ не знали ни слова по-ихнему. Она съ ними учится въ школъ и говорить по-английски. Онѣ играютъ и ходятъ гулять, и рассказала, какъ онѣ играютъ. Новыя подруги быстро освоились другъ съ дружкой, и когда Матвѣй Гаврилычъ съ Михайлой, снявши съ фургона вещи и отложивъ лошадей, вошли въ домъ, дѣвочки были уже такъ знакомы, какъ будто бы много лѣтъ прожили подъ одной крышей.

XXII.

Эту ночь Подаркины спали на твердомъ полу. Подъ ними ничего не качалось и не трясло. Они спали долго и сладко, а какъ встали, опять пошли разговоры, рассказы, разспросы.

Было воскресенье. Настя въ школу не пошла, она повела Машку на улицу и стала показывать, что у нихъ есть. Онѣ обошли дворъ. Между сараемъ и амбарушкой стоялъ вчерашній фургонъ, одноколка, плуги, бороны и другія машины. Отсюда дѣвочки прошли въ огородъ, гдѣ у Настина дѣдушки была хатка съ двумя небольшими окошками. Дѣдушка былъ около хаты; онъ что-то плелъ изъ прутьевъ и не видалъ дѣвочекъ. Новыя подруги заглянули въ садъ, гдѣ стояли маленькіе тесовые домики, въ которыхъ жили пчелы, и, перескочивъ канаву, спустились къ ручью, гдѣ въ обгороженномъ со всѣхъ сторонъ загонѣ паслись три коровы и сытая бѣлоголовая телка.

— Какой у васъ плантъ большой!—сказала Машка.

— Якій такіи плантъ?

— А вотъ это,—обвела рукой Машка, но Настя не поняла.

За ручьемъ было поле, а потомъ лѣсъ, пестрѣвшій разноцвѣтными листьями. Машкѣ вспомнились родныя мѣста, и она спросила:

— А въ вашемъ лѣсу грибы есть?

— Есть. И ягоды есть.

— Какія?

Настя стала называть: стросбэрри, расберри, но Машка не понимала,—названія были непохожи на русскія.

Дѣвочки пошли отъ ручья въ обходъ усадьбы по лугу и когда дошли до дороги, то встрѣтили Матвѣя Гаврилыча и Михайлу. Они тоже оглядывали мѣсто. Машка побѣжала къ нимъ навстрѣчу и спросила: что это за ягоды „расберри“.

— Расберризъ—малина,—отвѣтилъ, улыбаясь, Матвѣй Гаврилычъ,—а наша лѣсная ягода—стросберризъ, а крыжовникъ-

Фермеръ у своего дома.

гуусберризъ; гусинья ягоды—здѣсь не по-нашему: или аглицкое названіе, или индѣйское. Аглицкое трудно, а индѣйское еще труднѣе.

Обѣдали Подаркины въ этотъ день горячимъ борщемъ, рисовой кашей съ масломъ и свѣжимъ молокомъ.

Такой обѣдъ былъ первый разъ чуть не за мѣсяцъ, и Подаркины съ жадностью до капли склебывали съ ложекъ горячее жирное хлебово, и усталость, морская качка, тѣснота и духота въ вагонахъ быстро забывались. Понемногу выплывали новыя чувства, и эти чувства одинаково захватывали отца и мать.

Послѣ обѣда Матвѣй Гаврилычъ сказалъ:

— Мы поѣдемъ глядѣть пустой участокъ.

— Съ Богомъ!—сказала Олёна Григорьевна.

Матвѣй Гаврилычъ выдвинулъ одноколку, и они запрягли ее въ одну лошадь, сѣли и поѣхали со двора. Машка съ Настей проводили ихъ и долго глядѣли имъ въ слѣдъ, пока они не скрылись за огоркомъ.

Послѣ этого Настя повела Машку на сосѣдній хуторъ къ англичанамъ и вызвала непонятными Машкѣ словами двухъ дѣвочекъ. Дѣвочки были худощавыя, долголицыя, въ желтыхъ башмачкахъ, съ длинными волосами, заплетенными въ двѣ косы. Онѣ обѣ были на одно лицо. Подойдя къ Настѣ съ Машкой, онѣ по очереди подали Машкѣ руку и по очереди болтнули во рту языкомъ. Вышло одно слово „молинъ“, и Машкѣ стало чудно.

— Ши усъ нотундерстанъ,—сказала Настя дѣвочкамъ, и тѣ вытянули личики и въ одинъ голосъ спросили:

— Ва-а-тъ?

— Эсъ,—сказала Настя и поглядѣла на Машку.

Дѣвочки что-то быстро залепетали и стали смѣяться. Настя тоже смѣялась. Смѣясь, онѣ прошлись назадъ и впередъ по дорогѣ, и Настя обратилась къ Машкѣ:

— Онѣ говорятъ, чтобы ты скорѣй въ скулъ ходила.

— Ходила, а не ходила,—поправила Настю Машка.

— Ну ходила,—согласилась Настя.—Якъ будешь ходить въ скулъ, будешь читать и говорить, якъ мы говоримъ.

— Какъ мамка,—сказала Машка.

— А вы гдѣ будете жить?

— Не знаю.

Настя задумалась.

— Вотъ якъ бы близенько гдѣ, добре бъ було?

— Какъ тятка съ мамкой,—опять отвѣтила Машка.

Онѣ возвратились къ воротамъ англійскаго хутора. Дѣвочки опять подали Машкѣ и Настѣ руки, закивали головами и сказали одна за другой одно слово:

— Гудъ ивнингъ.

Англичанки ушли къ себѣ, а Настя съ Машкой къ себѣ.

— Онѣ дуже хорошія дѣвочки,—говорила дорогой Настя Машкѣ,—добре учатся, учительница любитъ ихъ. И ихъ отецъ хорошій англичанинъ и любитъ много балакать съ тяткой.

Дѣвочки пришли домой. Дѣда не было, онъ, должно быть, что-нибудь дѣлалъ у себя на пчельникѣ. Олёна Григорьевна съ Татьяной сидѣла за столомъ и, глядя, какъ на полу играютъ

Семка съ мальчикомъ Олёны Григорьевны, Гришукомъ, разговаривали. Машка сейчасъ же бросилась къ матери и легла къ ней грудью на колѣна, а Настя подсѣла къ мальчикамъ и стала съ ними играть.

— И тебѣ не скучно по своей сторонѣ? — спрашивала Татьяна.

— Та яка она тамъ своя?—говорила Олёна Григорьевна.— Я была отъ така,—показала она на Машку,—якъ поїхала съ дому. Усё забыла. Помню тилько якъ марокъ: хата бѣленька, церковь бѣленька, у садочка люди якись, а большъ ничего.

— А здѣсь церкви есть?

— Есть англицкія. Служба тоже, тому же Богу, только сидятъ да не христятся.

— Какъ же вы говѣете?

— Та мы не говѣимъ. Батько колись возьме евандиль, почитае, а мы помолимся.

— А дѣтей гдѣ крестили?

— Та нигдѣ. Обмыли, та помолились, та имя дали такъ и живутъ...

— Больно необычно это...—вздохнувъ, сказала Татьяна...— Отъ всего отвыкать придется, все забывать: съ кѣмъ росъ, на работу ходилъ.

— Здѣсь жинка у поле не ходитъ, она дома усё челоуіку готовитъ, чтобы онъ коли придетъ, було сухо, тепло да чисто. Матвѣй Гаврилычъ очень хвалитъ такой порядокъ.

— Чего не хвалитъ, кому хошь доведись... А мать твоя давно умерла?

— Якъ Матвѣй Гаврилычъ заступилъ до насъ, годъ пожилъ, тутъ она и померла. Мы и поженились.

— Онъ дома хорошій былъ парень.

— И туючки хорошъ. Имъ и батько мой доволенъ и я.

XXIII.

Михайло съ Матвѣемъ Гаврилычемъ вернулись поздно. Они осмотрѣли два участка и стали рассказывать, каковы эти участки. Оба были съ лѣсомъ. На одномъ протекалъ небольшой ручеекъ, на другомъ было только болото. Участокъ съ болотомъ былъ ближе къ дорогѣ. Михайло рассказалъ все Татьянѣ и спросилъ, какъ она думаетъ, какой участокъ лучше

Новое знакомство.

— А мнѣ-то что, нешь у тебя глазъ нѣтъ? — сказала Татьяна,—гляди, что лучше.

Матвѣй Гаврилычъ говорилъ, что съ болотомъ удобнѣй, потому что ближе отъ дороги, а что ручья нѣтъ,—можно колодець выкопать.

— А какъ вода далеко?

— У насъ вонъ близко.

Долго разбирали выгоду то одного, то другого участка, но въ этотъ вечеръ ни къ какому рѣшенію не пришли. Михайло сказалъ, что придется побывать на участкѣ съ Татьяной.

— Ну что жъ, завтра и поѣзжайте,—одобрилъ Матвѣй Гаврилычъ,—опять запрягу вамъ одноколку и поѣдете.

— А какъ вамъ будетъ лошадь нужна?

— Нѣтъ. Ко мнѣ придетъ поденщикъ, мы пойдёмъ въ лѣсъ, тамъ и безъ лошади обойдемся.

На томъ и покончили.

Утромъ поднялись чуть свѣтъ. Олёна Григорьевна нагрѣла кипятку, заварила кофею и чаю, подала хлѣба, масла, вчерашней рыбы. Всѣ позавтракали, и Михайло съ Татьяной стали собираться въ путь.

— А ты тутъ Семку гляди,—показала Машкѣ мать,—чтобы онъ у тебя не плакалъ.

— Не буде плакать, уходите,—сказала Олёна Григорьевна.

Мать съ отцомъ уѣхали. Ушелъ и Матвѣй Гаврилычъ и дѣдъ. Олёна Григорьевна взялась за стряпню. Машка стала играть съ ребятишками въ другой половинѣ. Машкѣ вспомнилась своя сторона, и она завела съ ними игру „въ гулячки“: двое куда-нибудь прятались, а третій искалъ. Такъ играли долго. Потомъ въ эту половину вошла Олёна Григорьевна и сказала:

— Идите на дворъ, чего вы у хатѣ торчите. Тамо просторнѣй.

Машка стала одѣвать Семку, а Олёна Григорьевна Гришука. Мальчики радовались и смѣялись, смѣясь, они вышли и на крыльцо.

Было морозно, но тихо и ясно. Земля была твердая какъ желѣзо. По ней легко было бѣгать. Машка поставила ребятъ рядомъ, завела имъ подъ мышки веревочку и стала ихъ погонять какъ лошадей.

— Ну, я поѣду участокъ глядѣть. Но-о, пошли!

Ребятишки побѣжали, Машка потрусила за ними мелкими

шажками, а языкомъ подражая колокольчику. Такъ она когда-то играла въ своей деревнѣ. Воспоминанія о родной деревнѣ сегодня назойливо вставали въ памяти Машки. Она понимала, что отецъ съ матерью выберутъ участокъ, и они переселятся туда и будутъ всегда жить здѣсь далеко, далеко отъ того мѣста, гдѣ она родилась, отъ своей избы, отъ подругъ. И они никогда ужъ не вернуться въ свою деревню. Машка сообразила, что значить „никогда“—и сердечко ея похолодѣло. Ея сразу точно отрѣзало отъ игры, отъ ребятъ. Она выпустила изъ рукъ бечевку и остановилась.

„Какъ же это они будутъ жить здѣсь, въ такомъ пустомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ деревни, избы, овиновъ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на ихнюю жизнь, гдѣ люди и говорятъ непонятно? Какая радость тутъ жить и въ чемъ тутъ будетъ радость?“

Она заплакала. Ребятишки добѣжали до воротъ одни, остановились. Они оглянулись и увидѣли, что кучеръ ихъ отсталъ. Семка первый понялъ, что Машка плачетъ и самъ надулъ щеки, сморщилъ носъ, закрылъ глаза и заревѣлъ. Гришукъ вытаращилъ на него глазенки и глядѣлъ, ничего не понимая.

Машка услышала, что и братишка заплакалъ, сейчасъ же проглотила слезы и бросилась къ нему. Она стала его уговаривать:

— Что ты, Сѣма, миленькій, ну чего ты?

Гришукъ стоялъ въ сторонѣ и, должно быть, не могъ понять, отчего это заплакалъ его товарищъ, и готовъ былъ самъ разревѣться.

— Перестань, сейчасъ мама придетъ.

— А дѣ мама?—спросилъ Семка.

— Она сейчасъ пріѣдетъ. Она за гостинцемъ поѣхала. Сейчасъ, миленькій.

Семка сталъ утихать. Машка подумала, что ей нельзя распускаться, когда на ея попеченіе сданы младшіе, скрѣпила сердце и стала обдумывать, чѣмъ бы ихъ позабавить еще. Деревня не выходила у нея изъ памяти, и она повела ихъ въ огородъ, гдѣ на замерзшихъ грядкахъ валялись сухіе стебли подсолнуховъ, тычинки отъ гороха. Машка стала подбирать ихъ и сказала ребятамъ:

— Давайте дѣлать избу. Вотъ мы пріѣхали на чужую сторону и у насъ ничего нѣтъ. Надо намъ что-нибудь построить.

И они приперли тычинки къ тыну и стали строить шалашу. И дѣлали они это съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто

возводили что очень важное. Машка была командиромъ и кричала, чтобы ей подавали то то, то другое. Ребята послушно подчинялись ей. Она настилала крышу, укрѣпила наверху сухой горохвенникъ и бока шалашки загородили бобовникомъ. Потомъ они всѣ трое принесли отъ омета по клоку соломы и постелили ее на землю.

— Давайте здѣсь жить,—предложила Машка.

— Добре,—сказалъ Гришукъ.

Машка первая влѣзла въ шалашъ. За нею на четверенкахъ, какъ молодые медвѣжата, полѣзли мальчики. Они влѣзли и усѣлись всѣ рядомъ на солому.

— Хорошо?—спросила Машка.

— Хоросо,—пролепеталъ Семка.

— Добре,—опять сказалъ Гришукъ.

— Будемъ мы какъ скотинка: ѣсть захочемъ, къ стогу пойдёмъ, сѣнца пожуюмъ и опять сюда.

— Му-у!—замычалъ вдругъ Семка.

— И-го-го!—заржалъ Гришукъ, и оба они раскатисто засмѣялись.

Изъ скотины они превратились въ журавлей, изъ журавлей въ людей, которые справляютъ праздникъ и угощаютъ другъ друга. И въ какую игру ни начинали играть, въ памяти Машки все стояла ихъ далекая деревня и ея подруги, и она изрѣдка вздыхала и задумывалась.

У Олёны Григорьевны поспѣлъ обѣдъ. Она вышла во дворъ, чтобы позвать дѣтвору, но долго не могла напасть на ихъ слѣдъ. Она было встревожилась, но тутъ пришелъ на помощь дѣдъ. Онъ обгораживалъ на зиму свой пчельникъ и видѣлъ, какъ ребяташки строили шалашку, и указалъ ихъ дочери.

XXIV.

Послѣ обѣда мальчики захотѣли спать. Ихъ положили рядомъ. Они уснули, а Машка пошла на улицу одна. То чувство, что поднялось въ ней съ утра, опять ей дало себя знать, и у ней снова закололо глаза и стало тяжело на сердцѣ. Она вышла за ворота и стала глядѣть въ ту сторону, куда уѣхали тятка съ мамкой. Она глядѣла на дорогу, а грусть все больше и больше давила ее сердце. А что, какъ они долго не придутъ, заблудятся, али попадутъ не на ту дорогу? Что

имъ тогда будетъ дѣлать? И опять Машкѣ захотѣлось заплакать.

На дорогѣ показались три дѣвочки и одинъ мальчикъ съ сумками въ рукахъ. Машка поняла, что это идутъ изъ школы Настя съ англичанами, поспѣшно утерла глаза и побѣжала имъ навстрѣчу.

— Молинъ!—опять крикнули ей обѣ дѣвочки.

Машка растерялась и не знала, что сказать.

— А ты говори: гуддей,—научила ее Настя.

— Гуддей,—выговорила Машка.

Настя засмѣялась, а англичанки захлопали въ ладоши.

— Веріель!—крикнули онѣ въ одинъ голосъ и что-то залопотали.

— Онѣ говорятъ,—перевела Машкѣ Настя,—что тебѣ треба съ нами ходить. Ты будешь учиться читать, писать и говорить.

— Какъ мамка,—какъ и первый разъ сказала Машка и похвасталась, что они построили шалашку на огородѣ и какъ они играли въ этой шалашкѣ.

Настя поѣла, и онѣ побѣжали смотрѣть шалашку. Къ нимъ пришли англичане и говорили: „веріель“ и „веригудъ“. Они влѣзали въ нее, сѣли и все чему-то смѣялись.

Передъ вечеромъ пріѣхали отецъ и мать. Они рѣшили лучше взять тотъ участокъ, что съ болотомъ.

— Въ болотѣ,—сказалъ отецъ,—можно вырыть прудъ, а около дома колодець. Труда будетъ больше, зато ближе къ дорогѣ, а ближе отъ дороги, ближе и отъ людей.

— Тогда завтра поѣдемъ и запишемъ его,—сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

На другой день Матвѣй Гаврилычъ съ отцомъ поѣхали записывать участокъ. Они ѣздили два дня. Когда пріѣхали, они сказали, что теперь сдѣлано все, и Михайло сказалъ, что на участокъ нужно свезти Машку съ Семкой.

Опять былъ морозный день, когда Подаркины всей семьей поѣхали на участокъ. Колеса гулко стучали по дорогѣ. Лѣса, какъ и у нихъ, стояли обнаженные, и только ели да сосны темнѣли густыми пятнами въ ихъ чашѣ. На дорогѣ имъ попался индѣецъ. Индѣецъ, безбородый, съ втянутыми щеками, что-то болтнулъ имъ и мотнулъ рукой. Михайло кивнулъ ему головой. Индѣецъ засмѣялся и пошелъ дальше.

До участка было верстъ двадцать. Дорога иногда шла сплошнымъ лѣсомъ, потомъ попадались прогалки, на прогалкахъ

встрѣчались хутора, потомъ опять лѣсъ. Когда проѣхали половину дороги, лѣсная часть кончилась, открылась широкая долина. Долину пересѣкала рѣчка, черезъ рѣчку былъ перекинутъ бревенчатый мостъ, какъ и въ Россіи. Подъ мостомъ вода замерзла и блестѣлъ гладкій чистый ледъ.

— Скоро зима будетъ,—сказалъ отецъ.

Лошади перешли мостъ и стали подниматься на огорокъ. Съ огорка видъ открылся во всѣ стороны и всюду были построены хутора, возвышались стога и ометы. Влѣво былъ виденъ даже небольшой городокъ. Тамъ останавливались поѣзда, была почта и лавки, возвышалась церковная колокольня и высокая труба какого-то завода. Отецъ сказалъ, что ихъ участокъ недалеко отъ этого городка, и подстегнулъ лошадей.

Проѣхали версты двѣ, и отецъ повернулъ лошадей направо и поѣхалъ по некошенной луговинѣ.

— Куда это ты?—спросила Машка.

— На свою землю.

— А гдѣ наша земля?

— Вотъ сейчасъ пріѣдемъ.

Лошади скоро остановились. Отецъ соскочилъ съ фургона, привязалъ ихъ къ дереву, далъ корму и сталъ ссаживать Машку и Семку. Машка оглянулась. Кругомъ было широкое гладкое мѣсто, сбѣгавшее слегка къ лѣсу и все покрытое густою некошеной травой. По травѣ кое-гдѣ пробивались прутики молодого лѣса, а вдали лѣсъ росъ частый и высокій, поднимался стѣною и загораживалъ собою, что было дальше. Отецъ кивнулъ въ сторону лѣса головой и проговорилъ:

— Вотъ какое у насъ богатство.

— Если бы это добро, да на своей сторонѣ,—сказала мать и вздохнула.

— Что-нибудь одно: или своя сторона, или вольная земля.

Мать промолчала. Отецъ взялъ Семку на руки и пошелъ по полянѣ.

— Ну, давай планты плантовать,—сказалъ онъ мальчику.— Вотъ здѣсь у насъ огородъ будетъ, здѣсь выроемъ колодець, тамъ вонъ поставимъ амбаръ, а тутъ будетъ вся стройка.

— На што ты все это поставишь? Гдѣ ты денегъ-то возмешь? Много у тебя осталось?—спросила мать.

— Мы сами—деньги. А руки-то на что? Слава Богу, пока есть чѣмъ взяться и есть за что. Лѣсъ не покупать. Купить топоръ да пилу—и все дѣло.

— Самому такъ не сдѣлать.

— Сдѣлаемъ пока землянку, въ землянкѣ годикъ проживемъ, а тамъ наѣдемъ овса, да льну, да жита. Уродитъ Богъ, станемъ все настоящее заводить.

Отецъ говорилъ, и у него горѣли глаза. Руками онъ указывалъ то въ одинъ, то въ другой уголь.

— Вотъ тутъ покось какой будетъ, а тутъ поле. Въ этой площадкѣ-то десятинь пятнадцать будетъ. Распаши-ка ихъ, что онѣ тебѣ дадутъ! А травы-то сколько можно накосить! Какъ стѣной стогами-то обставишься!

Чѣмъ больше говорилъ отецъ, тѣмъ больше возбуждался. На щекахъ у него выступилъ румянецъ, онъ казался моложе и, глядя на него, легче было на душѣ у всѣхъ.

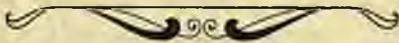
— Я одинъ тутъ наработаю на двѣ такихъ семьи. Ни чѣмъ васъ не потревожу. Запрягу парочку лошадокъ и поѣду. Одинъ вспашу, одинъ и сбороную и скошу все на косилкѣ одинъ, а вы сидите, домъ караульте.

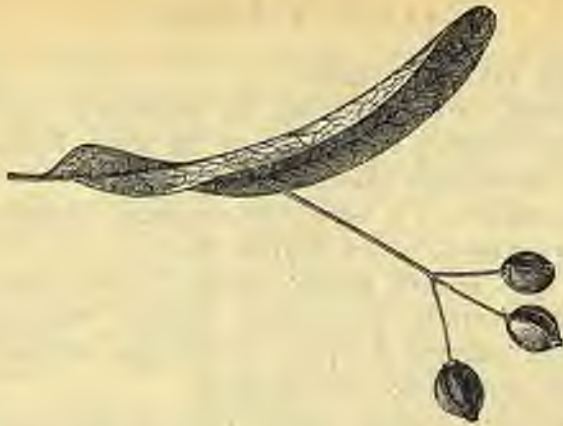
Они подошли къ лѣсу. Между поляной и лѣсомъ, въ низинѣ, росъ высокій камышъ, густая осока, почернѣвшая отъ мороза. Подъ ними блестѣлъ ледъ. Это и было болото, изъ котораго отецъ говорилъ легко сдѣлать прудъ.

— Тутъ тебѣ купайся, тутъ и полоскайся,— ишь какое добро! А лѣсу-то! У однихъ будетъ больше, чѣмъ у насъ во всей деревнѣ. Вся бѣда въ томъ, что теперь наступаетъ зима. Если бы не зима, то у насъ сейчасъ бы какое житье пошло!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Семеновъ.

Крылатое сѣмя липы.

Вокругъ насъ.

Осеннія наблюденія.

I.

Войдите въ ясный осенній день въ тѣнь густого лиственнаго лѣса. Какъ сильно въ немъ все измѣнилось! Какъ мало слышится теперь здѣсь птичьихъ голосовъ! Послѣдніе цвѣты доцвѣтаютъ по кустамъ и полянкамъ. Самый воздухъ сталъ не такимъ, какимъ былъ онъ лѣтомъ. Сталъ онъ легкимъ, прозрачнымъ и тонкія серебрястыя паутинки, блестя на солнцѣ, тихо плаваютъ въ немъ по неуловимымъ воздушнымъ теченіямъ. Но больше всего измѣнились сами кусты и деревья. вмѣсто прежней зеленой листвы, они разодѣлись въ пестрыя разноцвѣтныя платья, расцвѣтились яркими свѣтлыми пятнами и стоятъ нарядные и праздничные. Мягкое осеннее солнце нѣжно касается ихъ своими лучами.

Въ лѣсу стало какъ-то свѣтлѣе. Вѣтви и вершины деревьевъ больше пропускаютъ теперь дневного сіянія. Синее небо красиво просвѣчиваетъ сквозь желтую листву. Сплетенія широкихъ вѣтвей, сливавшихся лѣтомъ въ непроглядную чашу, теперь свѣтятся насквозь, какъ прозрачное кружево.

Вездѣ подъ ногами шуршатъ опавшіе желтые листья, устилаютъ почву рыхлымъ ковромъ, и высокія съ бѣлыми пятнышками шапки мухоморовъ ярко краснѣютъ подъ бѣлыми березовыми стволами.

Куда ни взглянешь, всюду среди сохранившейся зелени видишь висящія кисти изъ золота и шафрана, блѣдныя янтарно-зеленыя гирлянды попережку съ оранжевыми, красными и пурпурными гроздьями.

Какихъ только цвѣтныхъ пятенъ и оттѣнковъ не увидишь въ осеннемъ лѣсу! Нужно видѣть это все самому, чтобы понять разнообразіе этой красочной пестроты.

Впрочемъ, кто не видалъ, кто не любовался осенними нарядами деревьевъ?

II.

Зато не каждый думалъ о томъ, почему листья теряютъ зеленый цвѣтъ и почему они падаютъ?

Отдѣльные листья начинаютъ срываться еще въ августѣ. Чѣмъ глубже осень, чѣмъ ближе зима, тѣмъ ихъ падаетъ все больше и больше, и наконецъ, въ октябрѣ или еще въ концѣ сентября наступаетъ настоящій листопадъ, быстро оголяющій лѣса, роши, сады и парки.

Замѣчаютъ, что сильный листопадъ наступаетъ послѣ ночныхъ холодовъ, послѣ крѣпкихъ «утренниковъ», которые приносятъ съ собою суровый и тихій предразсвѣтныи часъ.

Когда солнце обогрѣетъ лѣсъ и пахнетъ утренній вѣтеръ, въ воздухѣ вдругъ замелькаютъ желтые, оранжевые и красные хлопья, съ тихимъ шуршаньемъ устилая землю.

Часто листья падаютъ и безъ вѣтра, отрываясь одной своей тяжестью.

Какой смыслъ этой осенней потери листьевъ, понять не особенно трудно. Густая листва деревьевъ должна задерживать гораздо больше снѣга, чѣмъ голыя обезлиственные вѣтви. При этомъ всякій обильно падающій снѣгъ грозилъ бы и сучьямъ и цѣлымъ деревьямъ.

Кто видѣлъ, что дѣлаетъ въ лѣсу гололедица, тотъ пойметъ, что я хочу сказать. Въ неровныя теплыя зимы иногда вмѣсто снѣга выпадаетъ холодный дождь, который тотчасъ же превращается въ ледъ. Земля покрывается скользкимъ ледянымъ слоемъ. Толстая ледяная кора намерзаетъ на стволы и сучья деревьевъ. Каждая тонкая вѣточка опускается книзу, каждая еловая и сосновая хвоя превращается въ прозрачную и толстую ледяную иглу съ зеленымъ стержнемъ посрединѣ. Сосна опускаетъ тогда свои вѣтви, какъ елка, прижимая ихъ къ обледенѣлому стволу.

Вершины березъ сгибаются дугой, наклоняются порой чуть не до самой земли.

Въ очень сильную гололедицу въ лѣсу можно найти не мало сучьевъ и даже цѣлыхъ молодыхъ деревьевъ, подломившихся подъ тяжестью льда.

Если бы листья не сбрасывались на зиму, деревья портились бы гораздо больше не только отъ гололедицы, но и отъ снѣга.

Есть еще одно обстоятельство, которое придаетъ листопаду огромное значеніе.

Листья служатъ растеніямъ для испаренія воды. Если острою бритвой сръзать тонкую кожицу съ нижней стороны листа и внимательно разсмотрѣть ее при помощи микроскопа, можно замѣтить, что

Кусочекъ кожицы, снятой съ листа.
(Увеличено). Видны устьица.

на ней повсюду разсѣяно множество невидимыхъ простому глазу отверстій, которыя называютъ «устьицами». Каждое устьице окружено двумя маленькими тѣльцами («клѣточками»), напоминающими бобовыя сѣмена по своей формѣ.

Каждое устьице ведетъ въ лежащую глубже микроскопическую пещерку, наполненную воздухомъ, и служитъ маленькой отдушиной, черезъ которую водяные пары и воздухъ могутъ входить внутрь и выходить наружу. Но такъ какъ воды въ растеніи всегда бываетъ много, то водяныхъ паровъ гораздо больше выходитъ черезъ устьице, чѣмъ входитъ черезъ него.

Ученымъ удалось сосчитать, что число устьицъ огромно и доходитъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ и даже милліоновъ на одинъ листъ, смотря по его величинѣ.

Дерево испаряетъ воды очень много, и корнямъ приходится непрерывно всасывать ее изъ почвы, чтобы пополнить эту потерю.

Убѣдиться въ томъ, какъ испаряется вода черезъ листья, можно при помощи опыта, уже описаннаго во 2-й книжкѣ «Маяка» за 1911 г.,

Тонкая пластинка, вырѣзанная поперекъ листа. а—устьице; надъ нимъ пещерка, наполненная воздухомъ.

когда я рассказывалъ объ источникахъ водяныхъ паровъ въ комнатномъ воздухѣ. Рисунокъ напомнитъ вамъ устройство этого прибора.

Между работой устьицъ и корней должно быть полное согласіе, чтобы растеніе не страдало. Въ сухую погоду вода испаряется легче, а корнямъ труднѣе добывать влагу изъ сохнувшей земли.

Чтобы дерево не засохло, ему нужно уменьшить испареніе. Это достигается тѣмъ, что устьица во время засухи замыкаются. Еще сильнѣе, чѣмъ засуха, вліяетъ на работу корней—холодъ. Когда почва сильно остываетъ, корни теряютъ способность вбирать влагу изъ почвы. Чѣмъ холоднѣе земля, тѣмъ притокъ воды становится меньше и, наконецъ, прекращается совершенно.

Происходитъ странное противорѣчіе: осенніе дожди обильно поятъ почву, дороги покрываются жидкою грязью, между тѣмъ какъ листья все болѣе и болѣе сохнутъ.

Наступаетъ листопадъ, потеря влаги черезъ листья прекращается, и такимъ образомъ растеніе избавляется отъ опасности засохнуть.

Растеніе вытягиваетъ воду и испаряетъ ее черезъ листья.

III.

Однако листопадъ не происходитъ такъ просто, какъ кажется. Растеніе приготовляетъ его заранее. Въ самихъ листьяхъ задолго до него происходятъ очень важныя измѣненія.

Вотъ кружится въ воздухѣ падающій листъ клена. Поднимите его и посмотрите внимательно. Его черешокъ какъ будто перерѣзанъ ножницами; такъ ровно то мѣсто, по которому онъ обломился.

И у всѣхъ упавшихъ листьевъ вы найдете то же самое.

Нагните вѣтку съ пожелтѣлыми листьями и потряхните ее поильнѣе такъ, чтобы листья посыпались съ нея. Вы увидите, что черешки листьевъ дѣйствительно переламываются при этомъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ—около своего прикрѣпленія къ вѣткѣ.

Внимательное микроскопическое изслѣдованіе показываетъ вотъ что. Когда листъ пожелтѣетъ, у основанія черешка начинается образовываться «раздѣлительный слой».

Онъ состоитъ изъ ряда сравнительно крупныхъ клѣточекъ, на-

полненныхъ воздухомъ или водой. Слои этотъ проходитъ такъ, что онъ пересѣкаетъ тѣ тонкія трубочки (жилки или сосуды), по которымъ вода течетъ изъ стебля въ листья. Вода не можетъ пройти чрезъ раздѣлительный слой, и поэтому растеніе перестаетъ терять влагу испареніемъ.

Стѣнки клеѣточекъ въ раздѣлительномъ слоѣ тонки и хрупки, и потому при вѣтрѣ черешокъ легче всего ломается именно въ этомъ мѣстѣ, почему и кажется, что онъ перестриженъ ножницами.

Особенно легко ломается черешокъ послѣ морозовъ. Это бываетъ потому, что вода, наполняющая раздѣлительный слой, замерзаетъ. Ледъ занимаетъ больше мѣста сравнительно съ водой, и поэтому стѣнки раздѣлительнаго слоя разрушаются или трескаются ¹⁾.

Послѣ, когда ледъ снова таетъ при оттепели, раздѣлительный слой становится необычайно хрупкимъ, и черешокъ ломается отъ всякаго толчка.

IV.

Но еще до образованія раздѣлительнаго слоя листъ начинаетъ измѣняться.

Мы уже приходилось говорить о томъ, что зеленое вещество листьевъ (или «хлорофиллъ») приготовляетъ для растеній питательный крахмалъ и что это бываетъ только при свѣтѣ. Такимъ образомъ листья служатъ не только для дыханія и испаренія воды, но и для питанія растеній. Приготовленная листьями пища въ видѣ сока спускается потомъ по вѣткамъ и по стволу дерева до самыхъ его корней.

Когда приближается листопадъ, листья какъ будто заблаговременно принимаютъ мѣры, чтобы спасти драгоцѣнное имущество. Всѣ питательные запасы въ листьяхъ и самъ хлорофиллъ превращаются въ жидкія вещества, и переходить въ видѣ соковъ въ болѣе безопасное мѣсто и прячутся подъ корою ствола и въ глубинѣ корней. Но при этомъ тѣ самые лучи солнца, которые лѣтомъ были необходимы для приготовленія пищевыхъ матеріаловъ, теперь оказываются опасными и грозятъ разрушеніемъ тѣмъ сокамъ, которые медленно переходятъ изъ листьевъ въ темныя кладовыя стволы.

¹⁾ Такъ ломается полная водой бутылка, если ее забить пробкой и дать замерзнуть въ ней водѣ на сильномъ морозѣ.

И вотъ какъ защита отъ вреднаго дѣйствія солнца, въ наружныхъ слояхъ листовой пластинки теперь вырабатываются разныя другія вещества желтаго, краснаго или оранжеваго цвѣта, которыя и придають листьѣ ея осенній характеръ. Они играютъ роль ширмы, за которой, въ тайнѣ отъ солнца, совершается важная работа.

Когда позднею осенью отламывается и падаетъ высохшій листь, онъ уже пусть и полезныхъ для дерева веществъ въ немъ почти не останется.

Да и то, что остается, не пропадаетъ даромъ. Упавшіе листья гниютъ на землѣ, и черезъ нѣсколько лѣтъ къ лѣсной почвѣ прибавится новый слой плодороднаго перегноя, изъ котораго безчисленные корешки растений возьмутъ когда-нибудь то, что можетъ пойти имъ на пользу.

Такъ лѣсныя деревья живутъ не отдѣльной обособленной жизнью. Каждое изъ нихъ связано съ другими прошлыми и будущими растениями. Получая отъ прошлыхъ, они сами оставляютъ кое-что на долю будущихъ.

Осеннія одежды лѣсовъ такъ красивы и разнообразны, что невольно хочется унести съ собой что-нибудь изъ этого разнообразія.

Тотъ, кто пробовалъ лѣтомъ составлять гербарій, безъ особаго труда сможетъ собрать и засушить цѣлую коллекцію осеннихъ листьевъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и формъ ¹⁾.

Иногда, впрочемъ, засушенные листья измѣняютъ свою красивую окраску. Чтобы сохранить воспоминаніе о ней, попытайтесь, если можно, скопировать ее красками. Можно составить цѣлый альбомъ рисунковъ осеннихъ листьевъ, контуры которыхъ легко очертить по краю положеннаго на бумагу листа, а раскрасить акварельными красками.

Изъ засушенныхъ осеннихъ листьевъ, смѣшавъ ихъ съ осенними цвѣтами, цвѣтущими злаками, можно сдѣлать въ ней красивыя гирлянды и букеты для украшенія вашей комнаты. Можно украсить ими стѣны, окна, рамы картинъ и т. д.

V.

На поляхъ еще кое-гдѣ доцвѣтають послѣдніе поздніе цвѣты. Еще качаются на межахъ желтыя головки высокаго осота, а подъ нимъ

¹⁾ Способъ засушиванія былъ уже указанъ мною раньше. Опредѣлять кусты и деревья можно и довольно легко по книжкѣ Флерова. «Опредѣлитель кустовъ и деревьевъ по листьѣ».

дикія полевая анютины глазки. Темно-желтая пижма, прозванная дикою рябинкой за свои перистые листья, похожіе на листья рябины, поднимаетъ цѣлыя пучки тѣсно-сидящихъ соцветій. Лопухи, чертополохъ и колющійся бодякъ еще распускаютъ кое-гдѣ красновато-лиловыя шаровидныя головки. Дольше всѣхъ до самыхъ морозовъ раскрываетъ свои золотыя звѣздочки одуванчикъ.

Пижма.

Вообще, если посмотрѣть повнимательнѣе, въ сентябрѣ и даже октябрѣ можно примѣтить больше цвѣтущихъ растений, чѣмъ этого можно ожидать на первый взглядъ.

По книжкѣ «Осенняя флора средней Россіи» Маевского можно быстро опредѣлять эти поздніе цвѣты.

Но главный интересъ осени не въ цвѣтахъ. Безчисленное множество и плодовъ и сѣмянъ созрѣло и разсыпалось всюду.

Поднимите съ земли вотъ этотъ плодъ клена, который нетрудно узнать по кожистому тонкому крылу, похожему на крыло большого кузнечика. Оглядитесь кругомъ и подумайте, какъ далеко онъ залетѣлъ отъ того дерева, на которомъ родился.

Взгляните на эту пуховую головку одуванчика, на сѣмена чертополоха, снабженныя шелковистыми длинными хохолками, на многое множество другихъ сѣмянъ и плодовъ, летающихъ на пушинкахъ, на крылышкахъ, чтобы понять, какая масса этихъ маленькихъ дѣтей растений разносится вѣтромъ по лицу земли.

Всѣ они пускаются въ свои безумно смѣлые полеты, чтобы найти для себя маленькій уголокъ, гдѣ они могли бы прорасти и пустить корни.

Судьба сурова, на каждомъ шагу ждутъ ихъ напасти и гибель. Большая часть сгниваетъ, не найдя того, что имъ нужно, поѣдается птицами, звѣрями, насѣкомыми, растаптывается подъ ногами

Бодякъ.

людей, лошадей и другихъ большихъ животныхъ. Только малая

Плоды клена.

часть находить свою долю и благополучно прорастаетъ въ почвѣ. Но и изъ нихъ далеко не всѣмъ суждено вырасти и приобрести полный ростъ и силу. Если ростки сидятъ слишкомъ тѣсно, они мѣшаютъ другъ другу, отнимаютъ одинъ у другого влагу, почву и загораживаютъ свѣтъ и въ тѣснотѣ гибнутъ цѣлыми массами.

Если бы сѣмена не имѣли способности разлетаться по вѣтру, они падали бы подъ старымъ растеніемъ, и ихъ ростки терпѣли бы еще большую тѣсноту.

VI.

Но сѣмена растеній путешествуютъ не только по воздуху. Многія изъ нихъ умѣютъ пользоваться звѣрями, птицами и самимъ человѣкомъ, чтобы поѣздить по бѣлому свѣту.

Тѣ самыя колючія головки лопуха, которыя зовутся «собаками» и которыми любятъ кидаться играющія дѣти, есть не что иное, какъ шаровидныя кучки зрѣлыхъ плодовъ; у каждаго изъ нихъ есть великолѣпная прицѣпка въ видѣ остраго крючочка.

Этими крючочками «собаки» легко прицѣпляются и къ перьямъ птицъ, и къ шерсти животныхъ, и къ платью людей и переѣзжаютъ на нихъ иногда очень далеко отъ того мѣста, гдѣ онѣ родились.

Рано или поздно онѣ упадутъ или будутъ сброшены на землю и, если упадутъ удачно, дадутъ начало новымъ зарослямъ лопушника.

Такіе же цѣпкіе плоды у репейника, *травилата*, цвѣтушаго такими изящными лиловато-бурыми колокольчиками, у многихъ породъ лю-

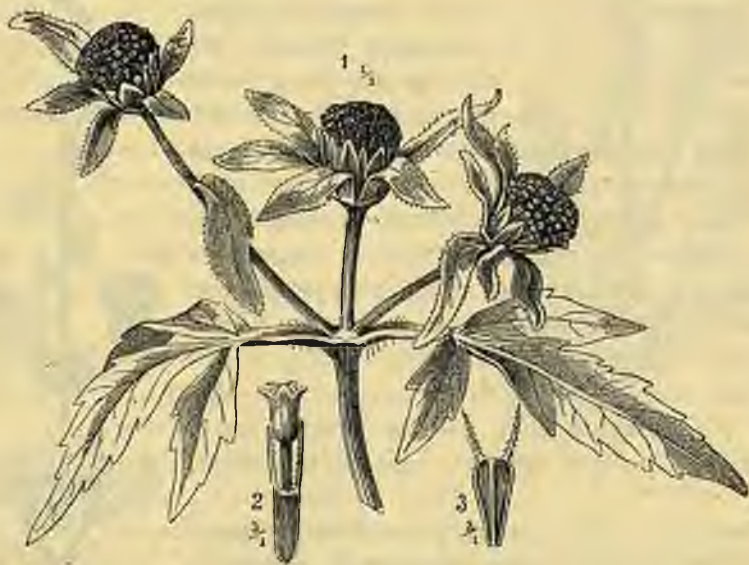
Репейникъ.

Городской гравилатъ.

тиковъ, у *череды*, любящей сырѣя и низкія мѣста возлѣ воды, и у множества другихъ растеній.

Есть растенія, которыя сами умѣютъ раскидывать свои сѣмена. Припомните, какъ лопаются высохшіе стручки акацій, выбрасывая зрѣлая круглыя сѣмечки. Головка мака, биткомъ набитая маленькими зернышками, высѣиваетъ ихъ черезъ небольшія дырочки, открывающіяся только тогда, когда сѣмена созрѣютъ. У белены плодъ похожъ на кувшинчикъ съ крышечкой. Когда сѣмена созрѣваютъ, крышечка

Черета.

отваливается, а кувшинчикъ, раскачиваясь отъ вѣтра на длинномъ стебелькѣ, высѣиваетъ свои сѣмена то въ одну, то въ другую сторону.

Вглядитесь по внимательнѣе, и вы замѣтите, какъ повсюду растенія заняты разсѣиваніемъ своихъ сѣмянъ и какъ хорошо приспособлены для этого сами ихъ сѣмена и плоды.

Белена.

VII.

Въ глубинѣ лѣса, среди пожелтѣвшей листвы, вы встрѣтите не мало спѣлыхъ и сочныхъ ягодъ. Вотъ яркія ягоды рябины

повисли красными гроздьями на почти обнажившихся вѣтвяхъ. Вотъ черныя ягоды черемухи, темно-красныя волчьи ягоды, красныя крупныя плоды шиповника и множество всякихъ другихъ можно найти въ осеннемъ лѣсу. Очень многія изъ нихъ не нравятся людямъ, а иныя даже ядовиты, какъ, на примѣръ, ягоды паслена сладкогорькаго, красныя ягоды ландыша и другія. Но присмотритесь, и вы увидите, что находится достаточно любителей и охотниковъ для всѣхъ этихъ ягодъ.

Что это за странныя хохлатыя птички разсѣлись тамъ на кустахъ шиповника? Лѣтомъ ихъ не было замѣтно въ нашемъ лѣсу.

Это свиристели. Они гнѣздятся въ болѣе сѣверныхъ лѣсахъ Вологодскаго, Олонецкаго и Архангельскаго края. У насъ же появляются осенью по дорогѣ въ болѣе теплыя страны да весной на обратномъ пути. Двигаются они не спѣша, подолгу гостятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, особенно въ тѣ годы, когда въ лѣсу бываетъ урожай на ягоды. Чинно они рассаживаются по ягоднымъ кустамъ. Съ утра и до вечера скачутъ по вѣтвямъ, объѣдая всѣ

плоды, и такъ наѣдаются къ ночи, что становятся тяжелыми, неподвижными, а туго набитые зобы ихъ выпячиваются впередъ.

На рябинѣ, на волчьихъ ягодахъ мы замѣчаемъ другую компанію. Цѣлый выводокъ молодыхъ *дроздовъ* порхаетъ по нимъ, поклеывая съ аппетитомъ спѣлые красные плоды. Ихъ не рѣдкость замѣтить и на ядовитомъ пасленѣ, которымъ они лакомятся безъ всякаго вреда для себя.

Вотъ на черемухѣ цѣлая стая *синицъ*, которая за недостаткомъ насѣкомыхъ, переходятъ теперь къ безобидной растительной пищѣ, которой имъ суждено питаться всю долгую снѣжную зиму.

Ну, плохо же устроились всѣ тѣ растенія, у которыхъ сѣмена помѣщены въ сочныхъ плодахъ и ягодахъ.

Въ лѣсу у нихъ столько враговъ, что имъ, повидимому, нѣтъ никакой возможности избѣгнуть гибели. Рано или поздно всѣхъ ихъ ждетъ горькая участь.

Такъ можно легко полумать, глядя на безчисленныхъ истребителей ягодъ. Однако такая мысль будетъ ошибочной. Тѣ самыя птицы,

которые питаются ягодами, являются лучшими распространителями сѣмянъ, заключенныхъ внутри ягодной мякоти. Большею частью сѣмена ихъ такъ крѣпки, что даже птичій желудокъ не въ силахъ ихъ переварить.

Взгляните вотъ на эту старую кирпичную стѣнку, оставшуюся отъ развалившейся каменной постройки. На вершинѣ ея примостилась цѣлая рать разныхъ растеній. Вонъ злаки со своими тонкими колосками, вонъ одуванчикъ и высокіе стебли *Иванъ-Чая*. Какъ попали туда одуванчикъ и Иванъ-Чай—догадаться нетрудно. Ихъ

Пасленъ сладкогорькій.

Синицы. 1 — Большая синица. 2 — Синица лазоревка. 3 — Хохлатая синица. 4 — Болотная синица. 5 — Синица Московская.

летучія сѣмена прилегли туда по вѣтру на своихъ легкихъ пушинкахъ. Маленькія березки-карлики, прилѣпившіяся сбоку, то же обязаны своимъ появленіемъ легкимъ сѣменамъ съ кожистыми крылышками. Но какъ забралась туда эта маленькая рябинка? Ея

кислыя ягоды цвѣта красныхъ коралловъ врядъ ли могутъ летать по воздуху? Какъ попали туда цѣпкія лозы паслена сладкогорькаго?

Тамъ посадили ихъ птицы, оставивъ наверху въ расщелинахъ между камнями немного своего липкаго помета со спѣлыми сѣменами внутри. За съѣденную вкусную мякоть эти сѣмена

Иванъ-чай. (Кипрей).

Крылатые плоды березы.

получили возможность совершить путешествіе по воздуху въ закрытомъ помѣщеніи и кусочекъ прекраснаго удобрения на придачу, въ которомъ могли укрѣпиться впервые ихъ нѣжные корешки.

VIII.

О сѣменахъ и плодахъ много можно рассказать интереснаго. Наблюдайте, и вы сами узнаете о нихъ не мало поучительнаго. Постарайтесь собрать для вашего гербарія и плоды знакомыхъ вамъ растений.

Небольшіе сухіе плоды нетрудно наклеить на толстую бумагу или картонъ (клеемъ «синдетиконъ»), размѣстивъ ихъ въ извѣст-

номъ порядкѣ и помѣтивъ имена растеній, которымъ они принадлежать.

Кромѣ того, интересно набрать побольше разныхъ сѣмянъ въ бумажные пакетики, свернутые такъ, какъ въ аптекѣ свертываютъ бумажки для порошковъ.

Въ каждый пакетикъ кладите сѣмена только одного растенія и помѣчайте его названіе на наружной его сторонѣ. Пакетики сложите въ какую-нибудь коробку (изъ-подъ конфетъ, на примѣръ) и захватите ее съ собой въ городъ. Зимой, когда всѣ травы, кусты, деревья объаты мертвымъ оцѣпенѣніемъ, вы можете пробудить къ жизни собранныя вами сѣмена.

Достаньте побольше маленькихъ цвѣточныхъ горшковъ или, еще лучше, сдѣлайте себѣ деревянный ящикъ вершка въ три глубины, четверть аршина ширины и около аршина длины, наполните его землей и посадите въ него свои сѣмена. Если вы сажаете сѣмена въ ящикъ, не перемѣшивайте ихъ, а сажайте каждый сортъ отдѣльно и рядомъ втыкайте лучиночку съ прикрѣпленной къ ней надписью. То же самое дѣлайте и съ цвѣточными горшками, потому что иначе очень легко позабыть, гдѣ и что посажено.

Землю, въ которой высажены сѣмена, поливайте умѣренно, но аккуратно, и вы дождетесь въ концѣ концовъ, что сѣмена разбухнутъ и прорастутъ. На подоконникѣ вашей комнаты вы изучите, какъ даютъ первые зеленые побѣги дикіе полевые цвѣты и, можете-быть, добьетесь того, что нѣкоторые изъ нихъ зацвѣтутъ.

Нужно сказать, что нѣкоторыя сѣмена прорастаютъ плохо, если не подвергнутся дѣйствию мороза. Поэтому лучше ранѣе, чѣмъ сажать, продержать коробку съ сѣменами нѣсколько дней гдѣ-нибудь за окномъ или въ холодномъ сараѣ и только послѣ этого высѣивать въ землю.

Нѣкоторыя сѣмена прорастаютъ скорѣе, если ихъ долго (дня два, три) размачивать ранѣе въ водѣ. Испробуйте это по возможности съ каждымъ сортомъ сѣмянъ, и тогда вы сами узнаете, какъ лучше обращаться съ разными сѣменами. Только надо непременно отмѣчать на бумажкѣ, укрѣпленной около посѣянныхъ растеній, были ли посаженныя здѣсь сѣмена заморожены или вымочены въ водѣ или нѣтъ.

Собирайте сѣмена всюду: по межамъ между полями, въ саду, по опушкѣ лѣса, по оврагамъ, наконецъ по берегамъ рѣки, пруда. Торчащіе изъ воды побѣги водяныхъ растеній дадутъ вамъ возможность заготовить плоды стрѣлолиста, водяного подорожника, сусака и т. п. растеній, которыя, проморозивши, вы можете зако-

пать въ грунтъ вашего акваріума или особыхъ банокъ съ водой, чтобы зимою получить множество молоденькихъ ростковъ для украшенія и оживленія жизни въ акваріумѣ.

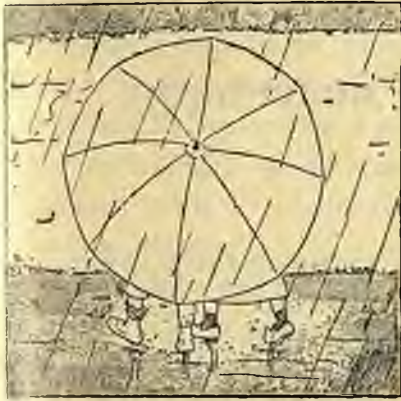
Если хоть разъ вы попробуете этотъ способъ выращиванія у себя собранныхъ вами же растеній, вы испытаете такое большое удовольствіе, какого вы навѣрное и не ожидали. Удовольствіе это родится отъ того, что вы пробуждаете и бережете жизнь, а вѣдь нѣтъ на землѣ большого счастья, чѣмъ сама жизнь и ея вѣчное возрожденіе послѣ временнаго сна.

И сама осень, о которой любятъ говорить, что она печальна и уныла, покажется вамъ иной, мудрой и ясной, если вы выучитесь видѣть и замѣчать ея работу. Вѣдь она, какъ заботливая мать, всюду разнесла и разсѣяла безчисленныя сѣмена и зародыши. Она снабдила ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ путешествій, она дала имъ запасъ пищи и силъ, чтобы они могли когда-нибудь вернуться къ жизни, когда вернется весна, засіяетъ солнце и разбудитъ ихъ отъ долгаго мирнаго сна. Не смерть, не разрушеніе приноситъ съ собою осень, а отдыхъ, приготовленіе къ будущему возрожденію и увѣренность въ томъ, что рѣка жизни попрежнему будетъ течь, цвѣсти и разливаться по землѣ.

С. Покровскій.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Вѣтеръ и Дождикъ.

Въ окна дождикъ гулко
стукалъ.

Капли пѣли: капъ, капъ,
капъ!

Разбудили капли куколъ.

Бродитъ Вѣтеръ-Косолапъ
Въ чащѣ сада. Что-то ели,
Что-то липы зашумѣли!

Капли роемъ загудѣли:
Капъ, капъ, капъ!

Вѣтру любо потолкаться
Промежъ елей: скрипъ, скрипъ, скрипъ!

Любо золотомъ кидаться
Съ тополей и желтыхъ липъ;

Плачутъ быстрыя капели;

Что-то липы зашумѣли,
Закачались, заскрипѣли:

Скрипъ, скрипъ, скрипъ!

С. Сѣверный.

Когда я была маленькая.

I.

Когда я была маленькая, то очень любила играть въ стряпню и въ игру «въ гости». Никогда я не соблазнялась ролью хозяйки, барыни или гостей, а всегда выбирала должность кухарки. Пока сестра съ гостями собирали, наряжали своихъ дѣтокъ-куколъ и начинали игру, я занималась у барыни, гдѣ долженъ былъ быть обѣдъ, брала корзиночку и шла на рынокъ.

Рынкомъ была наша кладовая. Кладовая, дѣйствительно, была похожа на лавку,—такъ въ ней было много всякой провизіи. Мы жили и лѣто и зиму въ деревнѣ, далеко отъ города, и запасы всего дѣлались чуть не на годъ. Ключъ отъ кладовой хранился у тети Марьи Ивановны; она жила у насъ и завѣдывала хозяйствомъ, насъ очень любила и никогда почти ни въ чемъ не отказывала.

Когда я приходила къ тетѣ съ корзиночкой, она уже знала, зачѣмъ я пришла, и говорила:

— А, кухарочка пришла на рынокъ, за провизіей!— и шла со мной въ кладовую.

И любила же я забираться туда! Чего-чего только тамъ не было! Банки съ вареньемъ, маринадами, соленьями, мѣшки съ мукой, крупой, ящики со сладостями, да всего не перечестъ!

Вотъ тетя отпустить мнѣ щедрой рукой всякой всячины, и я лечу къ своей кухнѣ, гдѣ моя помощница, младшая сестра Табочка, уже приготавливаетъ игрушечную плиту и посуду.

Начинаемъ мы съ ней стряпать; супъ варили изъ сахарной воды съ крошеными яблоками, котлетки изъ толченыхъ орѣховъ съ изюмомъ и подливку изъ шоколада, а пирожное дѣлалось изъ всей оставшейся провизіи и называлось «tutti frutti», а маленькія сестры переиначивали на «туть и прутья», такъ какъ разъ кухарка не доглядѣла, и въ пирожки попала цѣлая вѣточка изюма.

Обѣды наши выходили такіе вкусные, что барыня и гости ѣли да похваливали и еще просили, но, — увы! — просьба ихъ не могла быть исполнена, такъ какъ кухарка и ея помощница добросовѣстно относились къ своему дѣлу, часто пробовали провизію, чтобъ узнать, вкусно ли все выходитъ. И между прочимъ случалось, что кухарка съ поваренкомъ и пообѣдаетъ раньше своихъ господъ, такъ ужъ какая тутъ прибавка!

Мы съ Табочкой начинаемъ стряпать.

Когда я стала постарше, игрушечную плиту смѣнила настоящая плита. Кухня была близко отъ столовой, очень большая, свѣтлая и очень чистая; кухарка жила у насъ нѣсколько лѣтъ, и всѣ мы ее очень любили.

Думаю, что частенько надоѣдала и мѣшала я ей своими игрушечными кастрюлечками и сковородками; но она никогда не сердилась и даже нерѣдко выводила меня изъ затруднительнаго положенія. Бывало, отъ непривычки къ горячей плитѣ кушанья мои всѣ выгорали,

а посуда чернѣла, а я чуть не плакала. Тогда Христина брала мою посуду, чистила ее и давала свѣжей провизіи или наливала уже готоваго супу изъ своей большой кастрюли и говорила: «А котлетки ужъ сдѣлай себѣ сама»,—и дастъ большую сырую котлету, изъ которой я и надѣлаю много маленькихъ котлетокъ и поджарю ихъ на ярко вычищенныхъ Христиной игрушечныхъ сковородкахъ.

А когда Христина пекла булки и давала мнѣ кусо-

Когда я стала постарше, игрушечную плиту смѣнила настоящей.

чекъ сырого тѣста, я себя чувствовала совершенно счастливой,—и какихъ только не надѣлаю бывало фигурокъ! Разложу ихъ между ея булками на большихъ желѣзныхъ листахъ; а потомъ все бѣгаю и надоѣдаю Христинѣ: «Христинушка, готовы мои булки?» Наконецъ, получу ихъ, сложу въ маленькую корзиночку и иду угощать сестеръ.

Когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, я получила великолѣпный подарокъ: настоящую небольшую кухню, съ маленькой плитой, духовымъ шкафомъ и полнымъ

приборомъ посуды. Комната, гдѣ была моя кухня, была рядомъ со столовой, и въ этой комнатѣ тетя зимой сбивала масло. Вдругъ за нѣсколько дней до моего рожденія эту комнату заперли; мы слышали тамъ какой-то стукъ. На наши вопросы: «что тамъ такое дѣлаютъ?» намъ отвѣчали: «чинять печь». А на самомъ дѣлѣ тамъ ставили мнѣ плиту.

Восторгъ мой не зналъ границъ! Да и какъ было не восторгаться при видѣ такой прелести! Тутъ были какъ золото—мѣдныя кастрюльки, какъ серебро—жестяная посуда: всевозможныя формочки, терочки, листы; на стѣнѣ висѣли дощечки для мяса и тѣста; подъ полкой съ этой посудой стоялъ хорошенькій кухонный столикъ со шкафчикомъ, гдѣ помѣщалась каменная красиво расписанная посуда; рядомъ еще шкафчикъ со множествомъ ящичковъ, которые были наполнены разной провизіей и напоминали въ маленькомъ видѣ нашу кладовую. На другой день я устроила обѣдъ. Пригласила къ обѣду папу, маму, тетю, гувернантку и дѣтей съ нашей бонной Августой.

Въ помощь себѣ взяла Табочку и двоюроднаго брата Петю, сына тети, который учился въ Петербургѣ въ гимназіи, а на лѣто и большіе праздники пріѣзжалъ къ намъ. Табочка помогала стряпать, а Петя исполнялъ роль кухоннаго мужика: приносилъ дрова, воду, топилъ плиту, мылъ посуду; а когда обѣдъ былъ готовъ,—то Петя и Табочка превратились въ гостей и заняли мѣста за столомъ, гдѣ уже сидѣли остальные гости въ ожиданіи обѣда. Обѣдъ состоялъ изъ супа, къ нему пирожки, котлеты подъ грибнымъ соусомъ и миндальный тортъ. Я надѣялась, что мои гости придутъ въ восторгъ отъ моего угощенья.. и—о разочарованіе!—дѣти откровенно заявили, что мои прежніе кукольные обѣды были гораздо вкуснѣе.

Я обидѣлась, чуть не заплакала. Старшіе начали меня

утѣшать, увѣряя, что все было очень хорошо, очень вкусно, а ребята продолжали свое: «Вовсе не вкусно! пирожки подгорѣли, котлеты соленыя! Тортъ какъ камень». Я пришла въ такую ярость, чуть ребятъ не побила и сказала, что никогда ихъ не буду приглашать!

Но на другой же день эта непріятность была забыта, и я опять пригласила всѣхъ дѣтей на слѣдующее воскресенье къ себѣ на пирогъ; они тоже забыли, что кушанья были неудачны, приглашеніе приняли и всѣ вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ ожидали воскресенья.

Табочка и Петя помогли мнѣ.

Готовила я по книжкѣ Молоховець—«Подарокъ молодымъ хозяйкамъ», но тогда она была такая тоненькая, не чета теперешней.

Сначала, надо правду сказать, много провизіи я портила, но потомъ научилась. Въ особенности удавались мнѣ булки и вообще печенья.

Дѣдушка очень любилъ выборгскіе крендели, которые я дѣлала по рецепту настоящихъ выборгскихъ крендельницъ, и, бывало, какъ только пріѣдетъ изъ Петербурга, такъ сейчасъ ко мнѣ съ приказаніемъ:

«Люба, завтра чтобъ были крендели!» А такъ какъ у насъ было такое обыкновеніе—на другой день дѣ-

душкинаго пріѣзда праздновать,—то, значить, уроковъ не было, и я съ утра хлопотала съ тѣстомъ.

Трудно было печь эти крендели, тѣсто замѣшивалось очень круто, силы у меня были дѣтскія, устану, пока замѣшу, руки заболятъ. Передъ тѣмъ, какъ сажать въ печь, надо было обварить крендели кипяткомъ; часто вмѣстѣ съ кренделями я обваривала и руки. Зато вечеромъ, когда вся семья, во главѣ съ дѣдушкой, сядетъ за чайный столъ, и подадутъ мои румяные аппетитные душистые, мягкіе крендели, и дѣдушка начнетъ ихъ кушать да похваливать и на меня поглядывать, тутъ забудешь всѣ трудности и непріятности.

II.

Жили мы лѣто и зиму на своей мызѣ въ Финляндіи. Много было у насъ лошадей, коровъ, птицъ; каждый день мама съ папой, а съ ними и мы, старшія дѣти, обходили конюшни, коровники, птичникъ и всюду были у насъ особенные любимцы, которымъ доставался кусочекъ хлѣба побольше и получше и выпадало на ихъ долю больше ласкъ и поцѣлуевъ.

Въ особенности коровникъ былъ хорошъ: просторный; у каждой коровы отдѣльное стойло, каждое утро мѣняли свѣжую подстилку, было опрятно, чисто. Я очень любила бывать тамъ во время доенія и просила скотницу Елену выучить меня доить.

Часто я говорила, что мнѣ хочется имѣть свою собственную корову, за которой сама бы ухаживала, доила и молоко бы употребляла на свою стряпню.

Наконецъ, подошелъ день моихъ именинъ. За утреннимъ чаемъ я получила отъ всѣхъ разные подарки, только отъ одной мамы ничего. Это меня очень удивило и такъ стало непріятно: подумала, не виновата ли я, не

разсердила ли чѣмъ маму? но нѣтъ, ничего такого не могла придумать и вижу—мама на меня не сердится. Что бы это такое за загадка?

Только послѣ чая мама зоветъ меня итти съ ней въ коровникъ. Идемъ. Въ коровникѣ мама останавливается передъ самой маленькой коровкой—Кюйтой—рыженькой съ бѣлыми пятнами и говоритъ: «Вотъ мой подарокъ тебѣ; ты такъ желала имѣть собственную коровку, за которой обѣщала сама ухаживать и доить—твое желаніе исполнено, исполни же и ты свое обѣщаніе». Я была поражена такой неожиданностью и не знала, что мнѣ дѣлать отъ радости,—кого раньше цѣловать: маму или Кюйту? Рѣшила, что все-таки прежде надо маму. Чуть маму не задушила, а потомъ досталось и Кюйтѣ, которая отъ удивленія чуть меня не забодала.

Изъ коровника прошли въ мою кухню, гдѣ красовалась новая полка съ молочной посудой. Боже мой! какъ я была счастлива! Казалось, что счастливѣе меня никого на свѣтѣ нѣтъ!

Съ нетерпѣніемъ ждала я вечера, чтобъ итти доить свою корову; поминутно бѣгала смотрѣть на часы, и казалось, что они меня дразнятъ, нарочно илутъ медленнѣе обыкновеннаго,—хотѣла даже перевести стрѣлку!

Наконецъ, часы показываютъ 8 часовъ. Живо собираюсь, набиваю карманъ хлѣбомъ, черезъ плечо перекидываю полотенце, въ одну руку беру подойникъ, въ другую—шайку съ водой и побѣжала въ коровникъ; тамъ уже шло доеніе, подошла и я къ своей Кюйтѣ, погладила, хлѣбца дала, вымыла ей вымечко, обтерла полотенцемъ, сѣла на скамеечку и только хотѣла доить,—какъ моя коровенка начнетъ брыкаться, чуть меня не сбила со скамеечки, подойникъ выбила. Я закричала; ко мнѣ на помощь прибѣжала Елена. При ней корова успокоилась, но какъ только я стану доить—она опять за свои фокусы!

Я чуть не плачу, думаю: «Вотъ корова есть, а доить нельзя, на что же она мнѣ?» Говорю это Еленѣ, а она меня успокаиваетъ, увѣряетъ, что корова ко мнѣ привыкнетъ, и я отлично буду ее доить. Ну, кое-какъ съ помощью Елены подоила, но молока не пришлось попробовать!

Передъ тѣмъ какъ мнѣ встать со скамейки, Кюйта опять брыкнула и опрокинула подойникъ.

Дома меня встрѣчаютъ мама, тетя, Катя, дѣти, всѣ съ кружечками, поздравляютъ съ молокомъ, просятъ попробовать,—а я являюсь съ пустымъ подойникомъ и,

при видѣ этой встрѣчи, я не удержалась и разразилась слезами.

Утромъ, рано, еще совсѣмъ темно было, пришла горничная Ева меня будить: «Вставай, Любочка, за тобой Елена пришла, пора корову доить».

Я вскочила, куда и сонъ дѣвался. Тихонько, чтобъ не разбудить Катю и Маню, одѣлась, умылась, сошла внизъ, забрала всѣ принадлежности—и въ коровникъ.

Итти туда пришлось съ фонаремъ; было холодно, но я ничего не замѣчала; всѣ думы были направлены на Кюйту: дастъ ли доить или не дастъ.

Вотъ подошла къ своей красавицѣ, погладила, поласкала, дала хлѣба; она, мошенница, все это приняла

какъ должное; вотъ я сѣла, вымыла ей вымя и все ласковыми словами награждаю, думаю задобрить; она морду свою обернула, обнюхала, потомъ отвернулась да и брыкъ!

Я опять кричу Елену; та пришла да въ помощь себѣ принесла хворостинку и отстегала мою капризницу, приговаривая: «Стой смирно! стой смирно!» Жалко мнѣ было, что бьютъ мою Кюйточку. Сѣла опять, стала доить, а Елена не отходить, рядомъ стоитъ, и чуть корова шевельнется, она ей хворостину покажетъ, та стала хвостомъ вертѣтъ, Елена взяла да хвостъ ей къ ногѣ привязала.

Вотъ съ такими-то церемоніями подоила и домой молоко принесла. Но встрѣчи уже никакой не было,— было очень рано и всѣ еще спали. Процѣдила я молоко въ горшечекъ, поставила въ своей кухнѣ на окно, убрала посуду и побѣжала въ свою комнату, раздѣлась, закуталась въ одѣяло и вмигъ заснула. Дня черезъ два корова стала совсѣмъ умницей, привыкла ко мнѣ и стояла какъ вкопанная, пока я ее доила.

Лѣтомъ вставать было легко: солнышко уже свѣтитъ, птички поютъ, такъ весело, хорошо, и послѣ доенія я уже не ложилась досыпать, а шла въ садъ, въ огородъ, гдѣ садовникъ что-нибудь собираетъ или выкапываетъ, чѣмъ-нибудь меня угостить: морковью, рѣпой или горохомъ; потомъ отправлялась въ рощу, которая началась тутъ же за садомъ, и набирала тамъ полную корзинку грибовъ, такихъ хорошенькихъ, свѣженькихъ. Такъ ихъ весело собирать! Когда вернусь домой, то уже на балконѣ столъ накрытъ, самоваръ кипитъ, тетя варитъ кофе, всѣ уже встали—и я съ наслажденіемъ принимаюсь за кофе съ вкусными сдобными булочками. Еще бы! Вставъ такъ рано, нагулявшись, надышавшись чуднымъ воздухомъ, явится и аппетитъ.

А вотъ осенью и зимой трудновато было подыматься такую рань, а отказаться было совѣстно.

Встанешь съ неохотой, жаль разстаться съ теплой постелькой, темно, холодно, иногда вьюга, снѣгъ такъ и крутитъ, глаза залѣпляетъ; идешь съ фонаремъ, фонарь задуваетъ, попадешь въ сугробъ, наконецъ, доберешься до коровника. Въ коровникѣ холодно, полумракъ; лампъ не было,—керосина еще въ тѣ времена не знали; горѣли въ фонаряхъ сальныя свѣчи, которыя давали такой унылый, тусклый свѣтъ. Торопишься скорѣе поидти, убрать молоко, посуду и юркнуть подъ теплое одѣяло.

Часто я присутствовала при раздачѣ сѣна и сама разносила его по стойламъ. Поили коровъ всѣхъ одновременно, проведенъ былъ черезъ всѣ стойла жолобъ, въ который зимою наливали подогрѣтое пойло, а лѣтомъ все стадо поили на рѣкѣ.

Бралась я за вилы, чтобъ очищать стойло Кюйты отъ навоза, но эта работа оказалась мнѣ не по силамъ.

Молока Кюйта давала немного, но на мою стряпню хватало, иногда даже угощала всѣхъ простоквашей и сливочнымъ масломъ.

Помню разъ очень неприятная исторія случилась у меня съ масломъ. Ждали гостей-сосѣдей, а я, надо признаться, была неравнодушна къ похваламъ и любила похвастать своими познаніями по части хозяйства. Вотъ я заранѣе приготовила бутылку со сливками и поджидаю, когда покажутся гости на поворотѣ дороги, которая была видна изъ угловой комнаты наверху.

Вижу — ѣдутъ. Я стремглавъ лечу внизъ, хватаю свою бутылку, бѣгу въ садъ и съ самымъ невиннымъ видомъ хожу передъ балкономъ и сбиваю масло.

Вотъ пріѣхали гости, пошли съ мамой и папой на балконъ, увидѣли меня и давай хвалить.

«Ахъ! что за прелесть ваша Любочка!»—«Какая она умница!»—«Что за чудесная будетъ хозяйка!»

А въ это время, какъ на грѣхъ, къ этой умницѣ подбѣжалъ ея большой другъ и пріятель—черный мохнатый Шарикъ, съ которымъ она частенько устраивала превеликую возню; и давай Шарикъ со мной заигрывать, хватаетъ за руки, скачетъ, ловитъ бутылку; я на него кричу, отгоняю, а онъ-то думаетъ, что я съ нимъ играю, и еще больше на меня скачетъ, того и гляди выбьетъ бутылку изъ рукъ! Я разсердилась да, забывши, что у меня въ рукахъ, какъ размахнусь...

Дзынь! Собачонка вся бѣлая и съ наслажденіемъ облизывается, а я вся красная съ однимъ горлышкомъ отъ бутылки въ рукахъ!

Слышу на балконѣ хохотъ и папинъ голосъ:

«Вотъ такъ славная хозяйюшка, сколько масла сбила!»

И долго потомъ дразнили меня этимъ масломъ.

III.

Послушайте, какъ я удачно торговала молокомъ. Я видѣла, какъ тетя набивала полныя кадки масла, творогу, сметаны и отправляла все это съ приказчикомъ Аѳанасіемъ на продажу въ Петербургъ; черезъ нѣсколько дней возвращался Аѳанасій съ возомъ пустыхъ кадокъ, но зато съ полнымъ кошелькомъ, и, отдавая тетѣ отчетъ и деньги, говорилъ: «Вотъ извольте, Марья Ивановна, получить доходецъ».

Вотъ этотъ-то доходецъ ужасно меня смущалъ; мнѣ тоже хотѣлось «получать доходецъ» и со своего молоч-

наго хозяйства, и какъ я ни копила сметану, творогъ и масло, ничего не выходило—получалась такая малость, что Аванасій только смѣялся, когда я его просила отвезти на продажу мои маленькія игрушечныя кадочки!

Однако случай получить доходецъ, наконецъ, представился; но чтобы дойти до него, я должна немного уклониться въ сторону и рассказать слѣдующее.

Въ ту зиму въ сѣверной Финляндіи былъ сильный голодъ, и несчастные люди шли оттуда въ разныя мѣста въ поискахъ за хлѣбомъ. Черезъ нашу мызу (усадьбу) проходило много народу. Зима была какъ на грѣхъ лютая, съ вьюгами, масса снѣгу, и въ такое-то время въ плохой одежонкѣ, иногда просто въ лохмотьяхъ съ ребятишками, голодные, иззябшіе, окоченѣлые шли эти страдальцы, сами не зная куда.

Мама съ папой принимали, помогали, чѣмъ только могли, и кормили всѣхъ приходящихъ.

Мы думали, что онъ умеръ.

Въ кухнѣ день и ночь топилась печь, на плитѣ стояли огромные чугуны съ супомъ, кашей, молокомъ и громадный чайникъ съ кипяткомъ. По ночамъ по очереди дежурили мама, тетя и Катя съ кѣмъ-нибудь изъ прислуги. Днемъ же и я съ Маней принимали участіе въ дежурствѣ и видѣли, какъ приходили эти несчастные, какъ многіе плакали, съ какой жадностью набрасывались на ѣду.

Иногда приходили такіе слабые, изнуренные, что тутъ же въ кухнѣ падали безъ чувствъ; такихъ сразу не кормили, а оставляли на нѣсколько дней, помѣщали

ихъ въ людской избѣ и понемножку давали ѣсть. Нѣсколько семействъ съ малыми дѣтишками такъ и прожили у насъ до весны и, какъ стало совсѣмъ тепло, куда-то ушли.

А одинъ мальчикъ, лѣтъ 12-ти, такъ и остался у насъ. Пришелъ онъ едва живой; какъ взошелъ на крыльцо, такъ и повалился; думали, что умеръ, оказался больной тифомъ: помѣстили его въ отдѣльномъ домикѣ, около оранжерей, у старика-садовника Дмитрія, который самъ вызвался за нимъ ухаживать. Папа, хоть и не былъ докторомъ, сталъ его лѣчить, и мальчикъ началъ медленно поправляться.

Солнышко и воздухъ быстро помогаетъ больному.

Дѣло шло къ веснѣ, скоро наступило тепло, снѣгъ сошелъ, и быстро все стало зеленѣть. Въ одинъ чудный тихій, теплый майскій день смотримъ: Дмитрій что-то хлопочетъ около сломанныхъ парниковыхъ старыхъ рамъ, покрылъ ихъ рогожами, настелилъ поверхъ рогожи много соломы, на солому положилъ тюфякъ. Мы съ Маней никакъ не можемъ понять, для чего онъ все это устраиваетъ, а спросить не рѣшаемся: онъ, старикъ, былъ суровый, неразговорчивый.

Постеливъ тюфякъ, Дмитрій ушелъ и, пока мы съ Маней ломали голову надъ этой загадкой, смотримъ: онъ возвращается съ больнымъ мальчикомъ на рукахъ.

Бережно положилъ онъ мальчика на эту постель, укрылъ его одѣяломъ и самъ ушелъ къ парникамъ, гдѣ что-то работалъ. А мы съ Маней тихонько подошли къ мальчику и ужаснулись,—такъ онъ былъ худъ и блѣденъ и лежалъ не шевелясь.

Мы побѣжали домой и рассказали обо всемъ Катѣ. Катя не велѣла намъ бѣгать туда, чтобы не беспокоить больного, а насъ съ Маней какъ нарочно разбирало любопытство поглядѣть, что дѣлаетъ больной, и, несмотря на запрещеніе, нѣсколько разъ тихонько убѣгали и издали смотрѣли на мальчика.

Каждый день садовникъ выносилъ своего больного къ чуднымъ врачамъ: солнышку и теплomu весеннему воздуху, которые быстро оказали помощь своему маленькому больному, и онъ сталъ съ каждымъ днемъ крѣпнуть и поправляться; тогда уже мы вмѣстѣ съ Катей часто приходили къ Анти,—такъ звали мальчика, и приносили ему то бульону, то молока, то вина.

Сначала отъ слабости самъ онъ не могъ ѣсть, надо было его кормить съ ложечки. Когда кормила его Катя, дѣло шло хорошо; но иногда я упрошу Катю позволить мнѣ его покормить; тогда бѣдному Анти приходилось плохо: половина молока или бульона попадала ему мимо рта и разливалась ему на одѣяло; конечно, у меня отбирали ложку и чашку, и я чуть не плакала.

Наконецъ, Анти сталъ покрѣпче, началъ сидѣть, но разговаривать съ нимъ было очень трудно: онъ ничего не понималъ по-русски, а мы очень плохо говорили по-фински. Все-таки, въ концѣ концовъ, поняли другъ друга и узнали, что онъ сирота, близкихъ никого не имѣетъ и не знаетъ, куда ему итти.

Мы обо всемъ этомъ рассказали папѣ, и папа рѣшилъ оставить его у себя. Когда мы объ этомъ сказали Анти, онъ очень обрадовался и съ тѣхъ поръ еще быстрѣе сталъ выздоравливать.

Разъ какъ-то приходимъ въ оранжереи и не застаемъ Анти на обычномъ мѣстѣ; смотримъ, а онъ съ Дмитриемъ что-то копошится въ парникѣ; подходимъ и видимъ, что онъ помогаетъ садовнику выпалывать сорную траву. Другой разъ застаемъ его съ лейкой въ рукѣ: такъ мало-по-малу сталъ онъ помогать садовнику, и папа назначилъ его въ помощники старику, Садовникъ очень полюбилъ мальчика. Впослѣдствіи Анти былъ управляющимъ на этой мызѣ не при насъ, а когда папа продалъ ее много лѣтъ спустя.

Вотъ такимъ-то образомъ за зиму у насъ перебывало много бѣднаго люду; къ веснѣ стали приходять рѣже, а къ лѣту и совсѣмъ перестали.

Только какъ-то разъ иду я по двору и вижу: подымаются въ гору къ намъ въ усадьб у нѣсколь-ко человѣкъ. Я побѣжала имъ навстрѣчу, вижу: идутъ мужчина, двѣ женщины и двое дѣтей; одѣты всѣ чисто, опрятно, прилично.

Подходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ, нельзя ли гдѣ тутъ отдохнуть и достать поѣсть. У меня моментально созрѣваетъ планъ дѣйствій: чувствую, что наступилъ давно жданный и желанный моментъ получить доходецъ! Поскорѣе, чтобы кто изъ домашнихъ не успѣлъ замѣтить пришедшихъ, веду ихъ въ самую отдаленную часть сада, въ бесѣдку, усадила ихъ тамъ и побѣжала на погребъ за своимъ молокомъ и простоквашей, которой наполнила цѣлую большую кринку; притащила все это въ бесѣдку и опять убѣжала за хлѣбомъ.

Когда я брала хлѣбъ въ кухнѣ, кухарка спросила:

«Куда это вы, барышня, берете столько хлѣба?» Я успокоила ее отвѣтомъ, что для бѣдныхъ голодныхъ и живо помчалась съ хлѣбомъ, чтобы кто еще не увидѣлъ. Отдавъ хлѣбъ путешественникамъ, чтобы не мѣшать имъ, пошла домой; идя мимо кладовой, вижу—тетя тамъ, я зашла къ ней. Она угостила меня леденцами и пряниками, которые я и спрятала въ карманъ.

Черезъ нѣкоторое время вернулась я въ бесѣдку, гдѣ мои путешественники, окончивъ ѣду, видимо наслаждались отдыхомъ въ тѣнистой прохладной бесѣдкѣ, окруженной клумбами цвѣтовъ, послѣ пройденнаго долгаго пути подъ лучами горячаго солнца. Я отдала дѣтямъ леденцы и пряники: надо было видѣть, какимъ удовольствіемъ засіяли ихъ рожицы и съ какимъ аппетитомъ принялись они за пряники!

Наконецъ, старшіе поднялись, и одна изъ женщинъ, которая говорила немного по-русски и со мной объяснялась, спрашиваетъ, сколько слѣдуетъ заплатить за хлѣбъ и молоко.

А я уже раньше предвидѣла этотъ вопросъ и приготовила отвѣтъ, именно рѣшила, что болѣе 3-хъ копеекъ взять нельзя, такъ какъ хлѣбъ не мой и за хлѣбъ мама никогда денегъ не брала; ну, а молоко мое и въ деревнѣ оно дешево, но все же три копейки взять можно, хотя гдѣ-то въ глубинѣ, около сердца, что-то мнѣ будто говорило: «Совѣстно тебѣ брать и эти деньги съ бѣдняковъ!» А кто-то другой перебивалъ и напоминалъ, что такой случай—рѣдкость, и надо имъ пользоваться, чтобы получить доходецъ! И, къ стыду моему, второй голосъ одержалъ верхъ, и я взяла три копейки. Отдавая мнѣ деньги, женщина еще усомнилась, что не мало ли я беру за такое количество хлѣба и молока, но я увѣрила ее, что достаточно; тогда она и другіе ея спутники, поблагодаривъ меня, пошли.

Вывела я ихъ на дорогу, а сама, сіяющая, радостная

побѣжала въ кухню съ пустой посудой, а въ кухнѣ-то тетя. Видитъ она мое восторженное настроеніе и спрашиваетъ: «Что съ тобой?» Я ей, ничего не говоря, показываю монетку.

— Вижу,—говоритъ тетя,—но ничего не понимаю.

— Ахъ! тетя, пойми, это вѣдь мой доходъ!

— Какой доходъ?—смѣется тетя.—Откуда ты такой капиталъ получила?

— Я молоко и простоквашу свою сейчасъ продала!

— Кому же ты продала?—спрашиваетъ тетя.

Я ей рассказала. Боже мой! какъ разсердилась на меня тетя! Велѣла сейчасъ же бѣжать, догнать моихъ покупателей и отдать эти несчастныя три копейки да еще отъ себя прибавила двугривенный. Нечего дѣлать, побѣжала, едва догнала, сунула деньги въ руки удивленной женщинѣ и моментально помчалась назадъ.

Отбѣжавъ значительное разстояніе, я остановилась, чтобы перевести духъ, оглянулась—вижу, а тѣ стоятъ, что-то мнѣ кричатъ. Я имъ замахала руками, чтобы уходили. Они покачали головами, повернулись и пошли.

Я же, пристыженная, огорченная, вернулась домой, прошла къ тетѣ и просила ее никому не рассказывать, какъ я продавала молоко. Тетя сдержала слово.

Л. Станюковичъ.

Издательница М. В. Горбунова.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., сб. 1.

МОСКВА—1911.

Головоломка.

Прилагаемый
прямоугольник
переведите на
кардонъ и раз-
рѣжьте по лині-
ямъ на 8 частей,
изъ которыхъ
попытайтесь сло-
жить прилагае-
мая фигуры.
При складываніи
каждой фигуры
должны участво-
вать всѣ 8 частей.

Алькоръ.

